

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Николай Николаевич Александров](#)
 -
 - [Глава I. Происхождение и раннее детство](#)
 - [Глава II. В школе и университете](#)
 - [Глава III. На континенте](#)
 - [Глава IV. Ранние произведения Теккеря](#)
 - [Глава V. «Ярмарка тщеславия»](#)
 - [Глава VI. «История Пенденниса». «Ньюкомы». «История Эсмонда». «Виргинцы»](#)
 - [Глава VII. Теккерей – лектор и редактор](#)
 - [Глава VIII. Характеристика Теккеря как писателя](#)
 - [Глава IX. Теккерей как человек. Смерть его](#)
 - [Источники](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Николай Николаевич Александров Уильям Теккерей. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк Н. Н. Александрова
С портретом Теккерей, гравированным в Лейпциге
Геданом*

Глава I. Происхождение и раннее детство

Ни один из сравнительно недавно сошедших со сцены английских писателей не цитируется так часто в последнее время, как Теккерей. Ни одно имя не встречается так часто в журнальных и газетных статьях. А между тем личность знаменитого романиста-сатирика до сих пор еще остается во многом загадочной. Время для обстоятельной биографии его все еще не наступило и, может быть, никогда не наступит. Теккерей при жизни имел массу знакомых, но очень мало друзей. Тех немногих, которые не только были знакомы с ним, но и знали его, становится с каждым днем все меньше и меньше. Воспоминания и свидетельства даже этих немногих предоставляют, однако, возможность только догадываться, каков был Теккерей, но они далеко не достаточны для того, чтобы узнать, понять его. Впрочем, если читатели и почитатели знаменитого писателя все еще не знают и, быть может, никогда не узнают того, что составляло его душу, то в этом никак нельзя винить их. Теккерей сам не хотел, чтобы его знали. Он завещал дочерям никогда после смерти его не предавать гласности его семейную переписку и не печатать своих воспоминаний о нем. И дети Теккереев до сих пор оставались верными завету своего отца.

Чем объяснить это странное желание и завещание? Мы не думаем, чтобы даже чрезвычайная скромность Теккереев могла служить достаточным объяснением такого желания. Вероятно, у него на это были причины более глубокие...

Уильям Мекпис Теккерей происходил из старинной английской фамилии. Предки его принадлежали к среднему классу и долго жили в графстве Йоркшир. Первым человеком из этого рода, который выдвинулся своим общественным положением и положил основание его благосостоянию, был прадед знаменитого романиста, доктор Томас Теккерей. Он родился в конце XVII века в маленькой деревушке Чемпствайте, в том же графстве. Несмотря на тогдашнюю бедность семьи Теккереев, маленький Томас был допущен в только что основанную тогда и впоследствии ставшую знаменитой классическую школу в Итоне. По окончании этой школы в 1711 году он был послан стипендиатом в Кембриджский университет. Томас Теккерей проходил курс учения в университете, как и ранее в школе, блистательно. В 1715 году он уже был бакалавром, а в 1719-м получил степень доктора. По окончании университета ему тотчас же дали место второго наставника в той самой

школе, которой он был обязан своим первоначальным образованием. В 1746 году его назначили директором школы Харру – одной из самых известных в то время. Слава школы быстро росла под управлением Теккерей. Вместе с тем росла и популярность ее директора. Это был замечательно образованный, честный и трудолюбивый человек, пользовавшийся любовью и уважением всех знавших его, и впоследствии он получил звание архидиакона графства Соррей, причем был назначен капелланом принца-наследника. Он умер в октябре 1760 года, оставив после себя вдову, которая пережила его почти на полстолетия, и шестнадцать детей: шестерых сыновей и десятирех дочерей.

Двое из сыновей доктора Томаса посвятили себя духовному званию, один в течение сорока лет занимал довольно значительный пост в таможене, а из остальных троих двое получили степень доктора медицины и занимались практикой в Кембридже и Виндзоре. Дед великого романиста, Уильям Мекпис, был самым младшим сыном доктора Томаса. Он служил в Ост-Индской компании, скопил на службе порядочный капитал и, вернувшись в Англию, передал свою должность в Индии сыну Ричмонду, отцу романиста.

Начиная с 1797 года Ричмонд Теккерей последовательно занимал посты окружного судьи и главного сборщика пошлин в Калькутте. Здесь в 1811 году у него родился сын Уильям Мекпис, будущий великий романист, – на год раньше своего будущего знаменитого современника и соперника Чарлза Диккенса. Отец Теккерей умер 13 сентября 1815 года —того самого года, в который разыгралась знаменитая трагедия при Ватерлоо. История этой баталии чудесно вплетена в содержание «Ярмарки тщеславия».

Мать Теккерей впоследствии еще раз вышла замуж. Она пережила своего сына и дожила до очень преклонного возраста, сохранив почти до конца замечательное здоровье и бодрость. После смерти отца Теккерей недолго оставался с овдовевшей матерью. Подобно всем детям богатых английских семейств, живших в Индии, он еще ребенком был отправлен на воспитание в Англию. Это было в 1817 году. Ему тогда шел всего лишь седьмой год. Неудивительно поэтому, что его воспоминания о стране, где он родился, впоследствии были довольно смутными.

По пути в Англию корабль, который вез Теккерей, останавливался на короткое время у острова Св. Елены, где тогда доживал свои дни знаменитый император французов. Маленькому Теккерей удалось увидеть великого Наполеона. Этот случай, навсегда запечатлевшийся в памяти Теккерей, рассказан им в одном из его последних произведений так: «Я ехал из Индии ребенком, и корабль наш на пути остановился у одного

острова. Черный слуга, на попечении которого я находился, взял меня с собой на берег, и мы шли с ним очень долго по гористой и скалистой местности, пока не достигли сада, где увидели гуляющего человека. „Это он! – воскликнул мой черный слуга, – это Бонапарт! Он съедает каждый день трех баранов и всех детей, которых ему удастся поймать“...»

По прибытии в Англию маленький Теккерей был отдан на попечение своего деда, Уильяма Теккерей, который, удалившись от дел с порядочным состоянием, спокойно и комфортабельно доживал свои дни в деревне Гадлей, в графстве Миддлсекс. Здесь Теккерей прожил до двенадцатилетнего возраста, когда дед отправил его в школу, известную под названием Чартерхаузской.

Глава II. В школе и университете

В знаменитом своем романе «Ярмарка тщеславия» Теккерей так описывает школу, в которой он получил первоначальное образование: «В старину на том месте, где теперь стоит школа, был картезианский монастырь, а теперешний Смитфилд^[1] был тогда площадью, на которой происходили рыцарские турниры. Сюда обыкновенно привозились закоренелые еретики, потому что здесь их удобнее было сжигать. Генрих VIII захватил этот монастырь с принадлежавшими ему землями, повесив, между прочим, нескольких монахов, не одобрявших его реформации. Впоследствии здание с окружавшей его землей купил один богатый купец и основал там знаменитый госпиталь для стариков и детей. Со временем около этого госпиталя выросла и школа. Эта школа находилась всегда под покровительством некоторых членов высшей аристократии и высшего духовенства. Мальчики пользовались там хорошим помещением, столом и воспитанием и впоследствии даже отправлялись стипендиатами в университет. Поэтому неудивительно, что в эту школу посылались дети не только бедного дворянства и низшего духовенства, для которых, собственно, она первоначально предназначалась, но что туда охотно отправляли своих детей и богатые...»

Таким образом, состав учащихся этой школы был довольно разнородным, но большая часть все-таки принадлежала к высшим классам. Воспитание в Чартерхаузе считалось в то время таким же престижным, как и в несравненно более дорогих школах в Итоне, Харру и Винчестере.

В отчетах этой школы имя Уильяма Теккерей впервые встречается в 1822 году, в списке учеников десятого, то есть самого младшего класса. В следующем году он удостоен перевода в седьмой класс, в 1824 году переходит в пятый и, наконец, в 1828-м он уже в первом, самом высшем классе; с этих пор Теккерей начинает жить вне школы. При переходе в первый класс его сделали монитором^[2], то есть помощником классного наставника.

Учение Теккерей в школе шло успешно, но нельзя сказать, чтобы особенно блистательно. Это видно из того обстоятельства, что он никогда не был избираем в «ораторы», то есть что на него никогда не возлагалась почетная обязанность произносить публичную речь в годовщину смерти основателя школы Томаса Коттона. О Теккерее того времени один из школьных товарищей его, Джордж Векаблес, рассказывает: «Когда

Теккерей поступил к нам в школу, он бы красивым, кротким и отчасти робким мальчиком. Я не думаю, чтобы юноша вообще чувствовал себя в школе хорошо, и, хотя впоследствии он прекрасно знал латинский язык, однако в школе не особенно отличался своими классическими познаниями. Мне кажется также, что наш директор, доктор Рассел, человек энергичный, строгий и серьезный, хотя вовсе не суровый, был крайне несимпатичен Теккерею. Мальчик пользовался любовью среди сверстников, знавших его, и был тогда уже известен своей способностью быстро сочинять стихи, в особенности пародии. В школьных играх он не отличался ловкостью и, кажется, даже не чувствовал к ним особенной склонности...»

Другой школьный товарищ Теккерея сообщает о нем следующее: «Ему было около пятнадцати-шестнадцати лет, когда я его встретил впервые. Он был тогда цветущим юношей с темными вьющимися волосами, с живыми и умными глазами, всегда сверкавшими юмором. Он был полный, широкоплечий, но тогда еще трудно было предвидеть, до какой высоты он дорастет. Он не чувствовал никакого влечения к обыкновенным школьным играм, как впоследствии не любил спорта. В ряду предметов, несимпатичных Теккерею, игры занимали третье место после геометрии и алгебры. Но, тем не менее, о юноше Теккерее нельзя сказать того же, что обыкновенно рассказывается о юности многих других замечательных людей, – а именно, что он был склонен к уединению и уединенному размышлению. Напротив, несмотря на свою нелюбовь к играм, он был удивительно общительным юношей, полным огня и жизнерадостности. Он был всегда в духе, всегда весел, всегда беззаботно счастлив. Я никогда не встречал более веселого, более здорового и в то же время менее подвижного юноши. Мы, бывало, время от времени предпринимали экскурсии небольшими компаниями для ловли рыбы. Теккерей обыкновенно сопровождал нас в таких случаях. Но то, что его привлекало в таких прогулках, была не рыбная ловля и не игры, а веселый разговор, перемена места, вид зеленых полей и, наконец, чай на открытом воздухе с пряниками, до которых он был большой охотник.

Теккерей, – продолжает тот же автор, – при своей удивительной памяти, замечательной способности подражания, умении быстро усваивать языки и высокоразвитом эстетическом чувстве имел полную возможность стать первостепенным знатоком древней классической литературы. Этому, однако, помешало то обстоятельство, что он не был достаточно прилежен и усидчив в школе и обыкновенно оставлял свои уроки на последнюю минуту, посвящая почти все внеклассное время чтению.

Но, несмотря на это, Теккерей все-таки впоследствии знал римских

классиков гораздо лучше многих самых выдающихся наших писателей. Юноша страстно любил театр, и единственной игрой, в которой он охотно принимал участие, были театральные представления...»

Как и следовало ожидать, судя по его последующим сочинениям, Теккерей пользовался в школе популярностью большого остряка и сатирика. Ничто в характерах товарищей не ускользало от его пытливого взгляда. Он любил посмеиваться над их слабостями, но в самой добродушной форме, так что никто не обижался. Тем, кому выпадала обязанность руководить им, не было от него никаких беспокойств и огорчений. Он был всегда послушен, кроток, рассудителен и обращался со всеми очень добродушно, в особенности с теми мальчиками, которые были моложе его. Никогда не был он ни буйном, ни забиякой. «Вместо удара или угрозы, – рассказывает один из товарищей Теккерей в своих воспоминаниях о нем, – чем почти всегда начинали старшие ученики свои разговоры с младшими, Теккерей в своих отношениях с ними обыкновенно предпочитал ласку. Я как теперь слышу его разговор с одним из них: „Гуки, пойдй наверх и достань для меня в моем комодe какой-нибудь том „Айвенго“. Пойди, голубчик, ведь ты хороший мальчик! В том же ящике комодa ты, вероятно, найдешь и пенни, – возьми его себе“. Правда, существование этого пенни было несколько сомнительным, но надежды на него так часто оправдывались, что подобные обещания могли служить достаточной приманкой для того, чтобы мальчик охотно исполнял просьбы Теккерей. В тех случаях, когда ожидания мальчика не сбывались, он обыкновенно ругал Теккерей „ипокритом“, на что тот отвечал добродушным смехом. В течение двух или трех лет моего знакомства с Теккереем я вряд ли хоть один раз заметил его сердитым, вряд ли хоть один раз видел его лоб нахмуренным...»

Теккерей в детстве и в школе никогда не выпускал карандаша из рук. Читал ли он «Дон Кихота», романы Вальтера Скотта или сказки «Тысячи и одной ночи», смотрел ли он представление в театре, – все впечатления его немедленно воплощались в юмористических рисунках. Он пользовался громадной популярностью в школе за свое умение рисовать. В свободное время в перерывах между лекциями товарищи обращались к юному Теккерей, чтобы он нарисовал им портрет какого-нибудь общего знакомого, учителя или любимого героя недавно прочитанной книги, – и требуемое лицо, обыкновенно в карикатурной форме, немедленно появлялось на бумаге. Дети при этом громко выражали свое восхищение богатым воображением и ловкостью руки своего талантливого товарища.

Когда несколько месяцев спустя после смерти Теккерей его библиотека

была выставлена на продажу, на полях многих книг его нашли массу рисунков и карикатур. Если о духовных интересах великого романиста можно судить по книгам, составлявшим его библиотеку, то о мыслях и чувствах его дают довольно хорошее представление рисунки и карикатуры, часто встречаемые на полях этих книг.

Из рисунков Теккерея к своим произведениям.

Большая часть этих рисунков и карикатур впоследствии была собрана и издана отдельным томом с комментариями. Это издание называется «Теккериана» и содержит до тысячи отдельных карикатур и рисунков. Многие из них чрезвычайно удачны. Некоторые карикатуры иллюстрируют выдающиеся моменты жизни Теккерея-романиста, его детства и юности, – например те, в которых изображен Наполеон на острове Св. Елены, товарищи, учителя, директор школы. Последний представлен в далеко не лестном виде. Одна карикатура этого же периода очень удачно изображает еврея из Сити, другая чрезвычайно удачно воспроизводит «высокоуважаемого члена общества». Эта последняя карикатура – очевидно, сатира на те общественные противоречия, которые были впоследствии так ярко представлены и так беспощадно осмеяны Теккереем в его зрелых произведениях. На полях серьезного «Фукидида» мы встречаем, кроме массы карикатур, еще и любопытное рассуждение в стихах о любви:

Любовь что баранья котлетка:
Как скоро она остывает!
В ней вкус испаряется прежде
Чем старость ее настигает...
Любовь на колотье похожа:
Мучительны обе бывают...
И ту, и другое, – я слышал,
Вполне коньяком исцеляют...
Измучился юноша бедный,

Любовью к красе пламеня,
И жаждет скорее опутать
Красотку цепьми Гименя...
В азарте спешит он жениться,
Но дело не лучше бывает:
Разделавшись с прежней напастью,
Он снова беду наживает...

Подобное отношение Теккерей-юноши к «священному пламени» очень характерно для будущего сатирика.

Большую часть рисунков и карикатур Теккерей составляют иллюстрации к тому, чему учили его в школе, и особенно к тому, что он читал. А читал он очень много. Он чутьем выбирал хорошие книги, а если ему иногда попадалась плохая, то бросал ее по прочтении первых двух-трех страниц. Читал Теккерей почти исключительно беллетристику. Между его иллюстрациями мы находим Али-Бабу рядом с Дон Кихотом и средневековых рыцарей рядом с героями и разбойниками из романов XVIII века. Знаменитый в Англии роман Ораса Уолпола «Отрантский замок» пестрит иллюстрациями от начала до конца. «История древних» Роллена, употреблявшаяся как учебник в английских школах до середины настоящего столетия, дала много материала фантазии юного сатирика-карикатуриста. Первую страницу первого тома этой по-детски наивной истории школьник Теккерей украсил следующей карикатурой: Клио, муза истории, представлена в виде старой девы, одетой в костюм начала столетия, в очках и с зонтиком; в одной руке она держит рабочую корзинку с письменными принадлежностями, а другой опирается на кучу «истинных историков». Этих «истинных историков» представляют: Роллен, Шекспир, Гомер, Тассо, Пенстолль-Роланд, Дон Кихот и Мюнхгаузен. В другом месте представлен Эней, по-рыцарски кланяющийся Дидоне, которая величественно восседает с веером в руке и с маленькой собачкой на коленях. Алкивиад в куафюре кельнера, со шпорами, сигарою в зубах и моноклем в глазу с философским спокойствием отрезает хвост у собаки. Агесилай представлен улыбающимся во все лицо, в короткой рубашке, сапогах и под зонтиком.

Кроме умения рисовать карикатуры, юный Теккерей отличался еще и как сочинитель пародий. Эта последняя способность достигает впоследствии замечательного развития в его удивительных подражаниях выдающимся английским романистам того времени.

В первых своих произведениях Теккерей далеко не лестно высказывается о том старом, мрачном здании, в котором он получил свое первоначальное образование. Он его называет не Чартерхауз, а Слотерхауз (бойня). Это показывает, что его воспоминания о школьном времени были не особенно светлыми. Да они вряд ли и могли быть светлыми. То, что обыкновенно скрашивает школьную жизнь, что делает ее привлекательной, а именно физические упражнения, разнообразные игры, детские шалости, – все это, как мы выше видели, нисколько не интересовало юного Теккерей. В его воспоминаниях представление о школе поэтому связывалось исключительно с представлением о строгом, сухом директоре, таких же учителях и ненавистных ему предметах учения – греческом языке, геометрии и алгебре. Прибавьте к этому сильно развитую впечатлительность, чрезвычайную чувствительность ко всему грубому, жестокому, склонность замечать преимущественно темные стороны каждого явления, – и отрицательное отношение к школе, которое замечается в ранних произведениях Теккерей, станет вполне понятным. Впрочем, в позднейших сочинениях заметна некоторая перемена в его отношении к старой школе. Так, в романе «Ньюкомы» он уже называет ее «Grey Priors» («Седые монахи») и отзывается о ней с некоторой любовью. В последние годы своей жизни Теккерей имел даже обыкновение ежегодно посещать свою старую школу в годовщину смерти ее основателя. Он был там в последний раз за две недели до своей смерти.

Он занял свое обычное место в школьной церкви. Когда по окончании службы Теккерей вместе с другими гостями отправился в залу директора и там поднялся на трибуну с тем, чтобы произнести соответствующую случаю речь, он был встречен восторженными аплодисментами. На банкете, которым по обыкновению заканчивалось торжество, Теккерей, когда дошла до него очередь, произнес полный остроумия и юмора тост за процветание старой школы...

В феврале 1829 года Теккерей поступил в Кембриджский университет, едва достигнув восемнадцатилетнего возраста. О его жизни в это время известно очень мало. Есть, однако, основание полагать, что он, подобно герою своего будущего романа «Пенденнис», не особенно углублялся в университетскую науку, не любил правильных и систематических занятий, а работал больше урывками. Зато он тогда много занимался верховой ездой, стал вращаться в высшем обществе и приобретать ту шлифовку и «тон», которые впоследствии делали его «совершенным джентльменом». Одним из его товарищей по университету был ныне знаменитый поэт-лауреат и лорд, тогда совершенно неизвестный юноша, Теннисон. Будущие

знаменитости заключили между собою дружбу, не прерывавшуюся до самой смерти одного из них. Теккерей в течение всей своей жизни оставался одним из самых горячих и искренних почитателей таланта и произведений своего друга-поэта.

Ко времени пребывания Теккерей в университете относится и начало его литературной деятельности. 11 апреля 1829 года в Кембридже появился маленький журнал под названием «Сноб, литературный и научный журнал», с заявлением на первой странице, что в этом издании никто *ris* членов университетской общины участия не принимает. Это уверение, конечно, никого не убедило. Выходил ли этот микроскопический журнал под редакцией Теккерей, доподлинно не известно, однако не существует никакого сомнения относительно деятельного сотрудничества в нем. Напечатанное в этом издании курьезное стихотворение «Тимбукту» по своему резко сатирическому тону несомненно принадлежит перу Теккерей. Журнал прекратился на одиннадцатом номере, то есть через одиннадцать недель, так как он выходил еженедельно. За этим литературным предприятием последовало другое, того же характера, но только под другим названием – «The Gownsmen» (буквально – «носитель мантии», то есть член университетского общества). В основании его без сомнения участвовал и Теккерей. Первый номер нового журнала содержит курьезное посвящение в стихах:

Всем прокторам^[3] нынешним, прежним, грядущим.
Идти вослед их – привилегия наша;
Обязаны доблестям их подражать мы,
Хотя, чем их реже встречаешь, тем лучше...

Стиль этого посвящения очень напоминает стиль Теккерей, хотя наверное неизвестно, принадлежит ли оно его перу. И второй журнал существовал недолго. Он дожил только до семнадцатого номера. За исключением пародии «Тимбукту», в обоих журналах нет ничего замечательного в литературном отношении. Этим вторым журналом закончилась литературная деятельность Теккерей-студента.

Он пробыл в университете только шесть или семь семестров и вышел оттуда в 1830 году, не получив никакой ученой степени. О пребывании в Кембриджском университете у Теккерей остались такие же грустные воспоминания, как и о школьной жизни. И здесь его внимание обращали на себя главным образом темные стороны жизни. В своих последующих

произведениях он никогда не поминает добрым словом английские университеты. А неоконченный роман его «The shabby genteel story» содержит такое осуждение системы высшего образования в Англии, беспощаднее которого трудно себе и представить.

Глава III. На континенте

После выхода из университета девятнадцатилетний Теккерей отправился на континент. В 1830 году мы находим его в Веймаре, где он вместе с несколькими другими английскими юношами отчасти занимается, но больше веселится в высшем кругу общества. Джордж Льюис в своей «Жизни Гёте» рассказывает, что в Веймаре до сих пор еще (60-е годы) с гордостью показывают альбомы остроумных карикатур Теккерей.

Университетский товарищ Теккерей, уильям Летсом, живший тогда в Веймаре в качестве члена тамошнего английского посольства, ввел его в высшее общество маленькой столицы и даже представил ко двору великого герцога. В письме к другу своему Льюису (от 28 апреля 1855 года), которое последний поместил в своем труде о Гёте, Теккерей следующим образом описывает свою тогдашнюю жизнь в Веймаре и свои отношения с великим поэтом:

«О Веймаре и Гёте я, к сожалению, могу рассказать вам очень мало. Двадцать пять лет тому назад в Веймаре проживало около двух десятков молодых англичан, которые отчасти занимались там своим образованием, отчасти проводили время в развлечениях. Великий герцог и великая герцогиня принимали нас в высшей степени любезно и радушно. Двор был блестящим и в то же время чрезвычайно простым. Нас приглашали и на обеды, и на балы, и на ассамблеи. Те из нас, кто на это имел право, являлись ко двору в мундирах; остальные наряжались в самые оригинальные фантастические костюмы. Старый любезный гофмаршал фон Шпигель, у которого были две чрезвычайно милые дочери, относился к нам очень снисходительно. В зимние вечера мы обыкновенно нанимали седанские кресла^[4], в которых нас по снегу доставляли на веселые придворные празднества. Мне тогда посчастливилось приобрести шпагу Шиллера, которая и пополнила мой придворный наряд. Эта шпага до сих пор еще висит в моем кабинете и напоминает мне веселые, счастливые дни моей юности.

Мы были знакомы со всем обществом маленького города. Правда, ни одна из тамошних молодых дам не говорила хорошо по-английски, зато мы имели возможность научиться самому лучшему немецкому языку. Общественная жизнь была очень оживленной. Придворные дамы имели каждая свои определенные приемные вечера. Два или три раза в неделю давались спектакли в театре, где мы чувствовали себя как дома. Хотя Гёте

тогда уже не вмешивался в управление театром, однако великие традиции прежнего времени еще сохранялись. Кроме прекрасной местной труппы зимою обыкновенно появлялись на веймарской сцене многие знаменитые немецкие артисты, которые приезжали туда со всей Германии на гастроли. В ту зиму, когда я там был, насколько мне помнится, знаменитый Людвиг Девриент выступал в ролях Шейлока, Гамлета, Фальстафа и Франца Мора, а не менее знаменитая и прекрасная Шредер-Девриент – в роли Фиделио.

После двадцатитрехлетнего отсутствия мне пришлось провести еще раз несколько летних дней в незабвенном городке, и я был страшно рад, когда нашел там некоторых друзей моей юности. Госпожа фон Гёте была там и приняла меня и моих дочерей с прежней любезностью. Мы пили чай на открытом воздухе, в саду, возле знаменитого павильона, в котором ее великий отец так часто жил и который все еще принадлежит его семье.

Хотя Гёте уже тогда жил вдали от света, он, однако, охотно принимал у себя иностранцев. За чайным столом его невестки всегда было готово место для нас. Многие часы мы там просиживали и многие вечера проводили в приятнейшей беседе и в занятиях музыкой. Мы прочитывали бесконечные романы и поэмы на французском, английском и немецком языках. Мне тогда доставляло большое удовольствие рисовать карикатуры для детей, и я во второй мой приезд в Веймар был глубоко тронут, когда узнал, что эти карикатуры еще не забыты, а многие из них даже сохранены. Помню, когда-то я очень гордился тем, что великий Гёте обратил внимание на некоторые из них.

Гёте большею частью оставался у себя в комнате, и только очень немногие счастливицы имели к нему доступ. Но он любил, чтобы ему рассказывали новости, и интересовался всеми иностранцами. Если чье-нибудь лицо ему нравилось, художник, живший у него специально для этого, немедленно рисовал портрет этого человека. Из таких портретов у Гёте постепенно составила целая галерея. Дом его был полон картин, рисунков, статуй и медалей.

Я, конечно, еще хорошо помню, с каким волнением я, тогда девятнадцатилетний юноша, получил наконец, после долгого ожидания извещение, что господин тайный советник желал бы поговорить со мной в такой-то день. Это достопамятное свидание имело место в маленькой приемной его внутренних покоев. Комната эта была украшена множеством статуй и барельефов. Гёте был одет в длинный серый сюртук. На шее у него был белый галстук, а в петличке – красная ленточка. Руки свои он держал за спиной, совершенно как на бюсте его работы Рауха. Цвет лица у него тогда был свежий, чистый и розовый, глаза – необыкновенно темны,

проницательны и блестящи. Я смотрел на них с большим страхом и, помнится, сравнивал их с глазами героя романа „Мельмот-скиталец“, которые лет тридцать тому назад страшно пугали нас, мальчиков. Этот герой когда-то совершил сделку с дьяволом, и затем глаза его до конца жизни сохраняли во всей полноте свой страшный блеск. Гёте произвел на меня такое впечатление, как будто он в старости был еще красивее, чем в молодости. Голос его был глубок и приятен. Он задал мне несколько вопросов относительно меня самого, и я ответил ему как мог. Помню, как меня сначала сильно поразил его французский акцент.

Я его видел всего только три раза. Раз – когда он гулял в своем саду, у Фрауэнгшац. Другой раз – в прекрасный солнечный день, когда поэт собирался садиться в карету, одетый в фуражку и плащ с красным воротником. Он тогда ласкал свою внучку, чудного ребенка с золотистыми локонами.

Те из нас, кто получал из Англии книги или журналы, посылали их ему, и он просматривал их очень внимательно. „Журнал Фразера“ тогда недавно появился, и, помню, Гёте очень интересовался прекрасными портретами-эскизами, которые одно время в нем появлялись. Но когда он однажды увидел там отвратительную карикатуру на одного современного английского поэта, то сердито закрыл книгу и отодвинул ее от себя. „Они и меня могли бы так представить“, – сказал он. Но я должен сказать, что на самом деле трудно было бы изобразить в комическом виде такую величественную и здоровую фигуру, как великий старик Гёте.

Хотя солнце его уже было на закате, однако небо кругом было еще светло и ясно, и маленький Веймар утопал в лучах его. Во всех милых салонах главными предметами бесед все еще продолжали быть литература и искусство. Хотя театр и не имел ни одного замечательного актера, но всё-таки он управлялся очень толково. Актеры много читали и занимались, были людьми образованными, и высшее общество хорошо относилось к ним. Беседы при дворе были чрезвычайно приятны, просты и умны. Великая герцогиня, очень даровитая женщина, брала у нас книги, давала нам свои и благосклонно беседовала с нами, молодыми людьми, о наших литературных вкусах и планах. Почет, который двор оказывал патриарху литературы, делал столько же чести государю, сколько и подданному. Двадцать пять лет прошло с того счастливого времени, о котором я здесь говорю. Много мне пришлось за это время перевидеть. Масса бесконечно разнообразных людей прошла передо мною. Но я и теперь могу сказать, что никогда не видел общества более просвещенного, простого и доброго, чем то, которое я знал в том милом маленьком городе, где жили и умерли

прекрасный Шиллер и великий Гёте».

Симпатия к «милому маленькому городу» и уважение к «просвещенному, простому и доброму обществу» его не помешали, однако, Теккерейю пятнадцать лет спустя после его отъезда из Веймара представить в своем романе «Ярмарка тщеславия» и эту маленькую столицу, и ее общество в самом карикатурном виде под названием великого герцогства Пумпернокель.

Среди его рисунков, относящихся ко времени пребывания в Веймаре, мы встречаем между прочим два портрета Гёте, оба одинаково неудачные.

Теккерей, как утверждает один из хорошо знавших его, по выходе из университета предполагал сначала готовиться в адвокаты. Но он, однако, вскоре убедился, что не имеет никакого призвания к этой профессии, и еще во время своего пребывания в Германии решил сделаться художником. В начале 1831 года молодой человек распростился с Веймаром и для изучения живописи отправился в Рим. Но оттуда он вскоре уехал в Париж, где прожил довольно долго. Теккерей проводил целые дни в Лувре, копируя картины. Но, несмотря на все прилежание и сильное желание сделаться художником, его успехи в живописи были очень незначительны и чрезвычайно медленны. Сомнительно, чтобы из него когда-нибудь мог выйти порядочный художник, даже если бы он и не так скоро бросил живопись. Он оставался всю жизнь дилетантом, рисовал легко и бойко, но очертания его рисунков всегда были неправильны, что делало их более похожими на карикатуры. Но зато его карикатуры были бесподобны. Например, его иллюстрации к собственным романам «Ярмарка тщеславия» и «История Пенденниса» в высшей степени удачны и вполне передают характеры описываемых им лиц.

Wm Mackenzie.

**Двадцатилетний Теккерей Портрет Дэниела Макклиза. Ок. 1840.
Национальная портретная галерея.**

О жизни, которую вели тогда в Париже молодые художники, среди которых жил и Теккерей, есть много указаний в его «Парижском альбоме».

«Профессия художника, – говорит он там, – очень хороша во Франции. Она более уважается, лучше ценится и гораздо лучше оплачивается, чем у нас. Здесь существует немало прекрасных школ, где юноша может под руководством опытных учителей учиться живописи или скульптуре за какие-нибудь десять фунтов стерлингов в год. За эту плату он получает все, что нужно для занятий, – модели и так далее. Кроме того, в Париже он имеет уже совсем даром многое такое, что еще более способствует его занятиям своей специальностью и что он не мог бы найти в Англии. На каждой улице есть несколько лавок с картинами. Сами люди похожи на ходячие картинки. Церкви, театры, рестораны, концертные залы – все полно картин. Сама природа здесь более благосклонна к художникам, чем у нас, потому что небо здешнее в тысячу раз яснее и прекраснее и солнце сияет в течение более продолжительной части года. Прибавьте к этому исключительно благоприятные условия, в которых художники находятся в

Париже: французскому художнику платят прекрасно, потому что 5000 рублей в год – это много там, где все бедны; его положение в обществе скорее выше, чем ниже его заслуг; в таких домах, где над титулами смеются и где на барона обращают не более внимания, чем на клерка в банке, – за художниками ухаживают.

Жизнь здешнего молодого художника – это самое легкое, самое веселое и в то же время самое неряшливое существование. Он приезжает в Париж из своей провинции лет шестнадцати. Родители назначают ему ежегодную пенсию в 400 рублей и сами платят его учителю. Он поселяется в Латинском квартале или в новом квартале Лореттской Божией Матери, который также полон художников, является обыкновенно в мастерскую довольно рано и работает там вместе с двумя десятками товарищей, таких же веселых и таких же бедных, как он сам. Каждый из них курит свою любимую трубку, и рисуют они свои картины в облаке дыма, среди шумной болтовни, острот и громкого хорового пения. Все это трудно вообразить тому, кто сам не присутствовал на таких собраниях.

Эти молодые люди обращаются с обыкновенными гражданами очень высокомерно. Они смотрят на них с высоты своей нищеты с величайшим презрением, и надо думать, что это презрение ослепляет простых обывателей, потому что их уважение к художникам чрезвычайно велико. В Англии на этот счет совсем иначе. Там дочь простого лавочника сочла бы унижительным для себя выйти замуж за художника... Эта страна поистине рай для художников».

Подобно другим молодым парижским художникам, Теккерей жил в Латинском квартале. Он занимал небольшую, скромную квартиру, где по вечерам нередко собирались его многочисленные знакомые и приятели из веселого мира искусства. «В таких случаях – рассказывает один из знакомых Теккерей по Парижу, – квартира его превращалась в ад, правда, чрезвычайно веселый, но все-таки ад: табачный дым тучей стоял в комнате, и сквозь него смутно виднелись как видения многочисленные гости, разместившиеся кто на столах, кто на диване, кто на стульях. Быстрый, всеобщий говор не умолкал ни на минуту и только время от времени прерывался хохотом, от которого дрожали стекла в окнах. Под влиянием выпитого вина все бывали страшно возбуждены, лица были красными, глаза сверкали. Все жестикулировали ужасно. Разговоры иногда сменялись хоровым пением...»

Теккерей нравилась эта жизнь богемы. Много лет спустя, когда романист уже был на вершине своей славы, он все еще вспоминал с удовольствием об этой поре своей жизни. «Я люблю, – говорил он, – так

называемую богему и тех, кто похож на этот сорт людей. Я видел на своем веку всякого рода людей – герцогов, лордов, писателей, актеров и художников – и должен признаться, что из всех мне нравятся более всего художники и вообще всякого рода богема. Они более просты и естественны. Они носят длинные волосы, если хотят, и одеваются небрежно и в то же время живописно...»

Теккерей вообще очень любил Париж. Он впоследствии часто приезжал туда на короткое время из Лондона, чтобы немного «освежиться». Но то, что ему нравилось в Париже, были не развлечения его, в особенности не тогдашние французские политические учреждения, о которых он отзывается в своих статьях того времени чрезвычайно резко. Реакционная политика Луи-Филиппа и жалкая хартия 1830 года, о которой тогда так много трубили, глубоко возмущали его. Не менее возмущался он и французскими общественными нравами, насколько они проявлялись в судебных процессах или в романах таких писателей, как Жорж Санд. Париж ему нравился, потому что он тогда был, по его собственному выражению, «раем для художников». Ему нравились в французах их артистический вкус, их любовь к прекрасному. Ему нравились в столице Франции ее красота, изящество, масса картинных галерей, прекрасные общественные здания, великолепные памятники и фонтаны и мягкий в сравнении с Лондоном климат.

Занимаясь в Париже специально живописью, Теккерей по временам не пренебрегал и литературой. Он посылал время от времени в английские и американские газеты статьи, полные энтузиазма, о тогдашней французской выставке, критические заметки о современных ему французских писателях, очерки из жизни парижских художников, отчеты о шумных судебных процессах, волновавших тогда Париж, и тому подобное.

К этому же времени относится и начало знакомства Теккеря с Диккенсом. Познакомились эти будущие светила английской литературы при очень курьезных обстоятельствах. Диккенс тогда печатал своего «Пиквика», уже первые выпуски которого производили фурор, и нуждался в художнике для иллюстрирования текста. Когда Теккерей узнал об этом, он явился к нему с образцами своей работы и предложил свои услуги. Диккенс, подумав немного, отказался принять предложение молодого художника. Теккерей впоследствии добродушно признавался, что «Пиквик» был очень счастлив, что не он его иллюстрировал.

Глава IV. Ранние произведения Теккерея

Мы заметили выше, что Теккерей, занимаясь в Париже специально живописью, время от времени помещал в английских и американских периодических изданиях небольшие статьи, большей частью критического характера – о литературе, искусстве и общественной жизни современной ему Франции. Это, если не считать его статей в университетских журналах, и были его первые опыты литературной деятельности, в которых, однако, нет ничего выдающегося. Первым замечательным и оригинальным произведением Теккерея была пародия на появившийся тогда роман Булвера-Литтона «Евгений Арам» под названием «Елизавета Броунригг». В этом сочинении, напечатанном в «Журнале Фразера» в конце 1832 года, впервые проявился его могучий сатирический талант. Крайний сентиментализм и другие слабости школы Булвера-Литтона были выставлены и осмеяны в этом первом выдающемся сочинении Теккерея с вполне заслуженной ими беспощадностью.

В том же году, когда появилось первое значительное произведение Теккерея, произошел и крупный переворот в его жизни. Став совершеннолетним, он вступил во владение оставшимся ему после смерти отца наследством, которое составляло капитал в 200 000 рублей, или годовой доход в 5000 рублей. Тогда же Теккерей окончательно убедился в том, что из него никогда не выйдет порядочный художник, и решил посвятить себя всецело литературной деятельности. Ввиду этого он переехал из Парижа в Лондон и, не довольствуясь уже зависимым положением журнального и газетного сотрудника, задумал самостоятельно издавать журнал. В Лондоне тогда выходила еженедельная литературная газета «Национальное знамя», которую издавали виноторговец в компании со священником, бывшим университетским товарищем Теккерея. Теккерей приобрел эту газету, и, как он думал, очень выгодно. На самом же деле он был самым жестоким образом обманут своим любезным университетским товарищем, который, уговаривая его купить газету, имел только одну цель, а именно – выгодно разделаться с предприятием, которое грозило разорить его. Несмотря на то, что Теккерей очень много работал для этой газеты и потратил на нее уйму денег, публика оставалась к ней равнодушна. Надежды, которые Теккерей возлагал на газету, не оправдались, и уже через год, то есть в начале 1834-го, он должен был прекратить ее издание. Эта неудача сильно обескуражила Теккерея, и он в течение двух лет очень мало

писал. Но в 1836 году он уже снова выступил в роли издателя, очевидно все еще надеясь на успех в этой заманчивой, хотя и рискованной деятельности. Это второе предприятие было затеяно в больших размерах. Вместе с отчимом своим, майором Смитом, Теккерей образовал акционерное общество под названием «Столичная газетная компания» с капиталом в 600 000 рублей. Цена каждой акции была назначена в 100 рублей. Директором компании был выбран Смит как обладатель наибольшего количества акций. Компания купила прозябавшую газету «Общественный леджер» и, переименовав ее в «Конституционный и общественный леджер», выпустила первый номер под таким названием 15 сентября 1835 года, в тот самый день, когда пошлина на периодические издания была понижена.

Направление этого органа было крайне либеральным. В нем были выдвинуты требования полной свободы печати, расширения избирательного права, закрытой баллотировки, равенства прав всех перед законом и полной свободы вероисповедания. Многие выдающиеся представители тогдашней передовой партии публично заявили о своей готовности поддержать новый орган и содействовать его широкому распространению. Теккерей в этом издании взял на себя роль парижского корреспондента. Его парижские письма начали печататься 24 сентября 1836 года и продолжали выходить до весны следующего года. В них мало замечательного, но они характерны своей резкой критикой, направленной против июльской монархии, и горячей проповедью либерализма. Это второе предприятие Теккерей закончилось еще более печально, чем первое. Несмотря на блестящее начало и на обещания поддержки со стороны многих, новая газета Теккерей не могла преодолеть апатии и косности публики, которая предпочитала старые газеты больше по привычке, чем по убеждению. Последний номер «Конституционного и общественного леджера» появился 1 июля 1837 года. Он был с траурной каймой по случаю смерти короля и содержал заявление от редакции о прекращении издания. В значительной степени эту неудачу можно объяснить неопытностью издателей и недостатком капитала у них. Теккерей потерял на этом втором предприятии тот остаток своего наследства, который он успел спасти от первого. О новых самостоятельных изданиях, конечно, и думать уж нечего было. Приходилось сделаться опять простым журналистом-сотрудником.

В последующих произведениях своих Теккерей не раз намекает на эти неудачи. «Я взял на себя, – говорит он в одном месте, – роль редактора того проклятого журнала и поставил себе задачей развивать литературный вкус читателей, распространять нравственные понятия и хорошую литературу среди моей нации, и за эти заслуги пред обществом рассчитывал получать

должное вознаграждение. Там же печатал свои собственные сонеты, трагедии, стихи, писал сатирические статьи, восхищаясь сам своим тонким остроумием и критикой, почерпнутой из энциклопедий и биографических словарей, и в довершение всего сам чуть ли не удивлялся своим огромным познаниям... Скажи, любезный читатель, разве ты никогда не поступал точно так же? Если ты никогда не ошибался, будь уверен, что ты не совершишь никогда и ничего умного».

Об участии Теккерея в «Журнале Фразера» мы уже имели случай говорить выше. Он поместил в этом издании несколько критических статей, а также свое первое выдающееся произведение, «Елизавету Броунригг». Но лишь с 1834 года начинается его постоянное сотрудничество в нем. «Журнал Фразера» тогда пользовался большой популярностью в Англии. В числе его сотрудников были такие крупные литературные силы того времени, как поэты Саути, Колридж и Эйнсворт, известный историк литературы Локхарт и знаменитый Карлейль. Однако в течение первых трех лет Теккерей принадлежал к второстепенным сотрудникам журнала, и его статьи того времени ничем не выделялись. С 1837 года начинается новая эпоха в его литературной деятельности. В этом году в «Журнале Фразера» появилось его сатирическое письмо по поводу только что вышедшего тогда из печати сочинения под названием «Моя книга, или Анатомия хорошего обращения». Как видно из самого названия этой глупой книги, автор ее собирался поделиться с простыми смертными результатами своего долголетнего знакомства с высшим обществом и тем, кто желал бы проникнуть в эти высшие сферы, дать несколько полезных советов, как там следует есть, пить, сидеть, ходить или сморкаться. Эта сатира, под которой мы в первый раз встречаем столь популярный впоследствии псевдоним Теккерея «Карл Елоплаш», так понравилась редактору «Журнала Фразера», что автор получил приглашение не останавливаться на этом и продолжать свои общественные этюды далее. Результатом этого предложения были «Записки Елоплаша», начавшиеся в январе 1838 года и продолжавшиеся до октября того же года. Этот ряд статей вместе с иллюстрациями к ним, исполненными самим автором, произвел сильное впечатление и сразу выдвинул молодого писателя. «Записки Елоплаша» написаны в форме мемуаров лакея, в которых последний рассуждает о правилах благородного обращения и проводит ту мысль, что джентльмен, то есть дворянин, может чувствовать и поступать так же вульгарно, как простой лакей. Но самое любопытное в этих записках – это та курьезная и оригинальная орфография, которую употребляет этот лакей, рассуждающий о «благородных манерах».

Следующим значительным произведением Теккерея была его повесть «Катрина», появившаяся в том же «Журнале Фразера» в 1839 году. В ней описывалась жизнь убийцы по имени Катрин Гейсс. Подписана эта повесть псевдонимом «Ики Соломон» и, очевидно, имела целью показать, как отвратительны были бы рассказы о ворах, мошенниках и убийцах, если бы поступки и язык их были переданы такими, каковы они в действительности, а не представлены в форме, возбуждающей в нас к ним симпатию и, следовательно, подражание. Это было протестом против той литературной манеры изображать жизнь, которая была заметна у Булвера и отчасти у Диккенса. Повесть с такой тенденцией была бы не особенно приятным чтением, если бы она не была, как в данном случае, написана легко и в высшей степени остроумно.

После «Катрины», то есть в начале 1840 года, в этом же журнале стал печататься роман «The shabby genteel story». В новом произведении Теккерей впервые оставляет область чистой сатиры и является главным образом бытописателем. Роман остался неоконченным вследствие крупного семейного несчастья, постигшего автора и лишившего его на некоторое время возможности и способности заниматься литературным творчеством. Впоследствии он несколько раз принимался за продолжение его, но всякий раз должен был скоро опять бросать, не будучи в состоянии отогнать от себя удручающих воспоминаний, которые вызывало в нем это прерванное произведение. О семейном несчастье Теккерея мы поговорим подробнее ниже.

Летом 1840 года Теккерей впервые издал отдельной книгой под псевдонимом «М. А. Титмарш» собрание своих журнальных статей и очерков о парижской жизни, назвав его «Парижский альбом». Эта книга не имела большого успеха при своем появлении и теперь уже почти забыта. Но в ней есть нечто любопытное и довольно характерное для ее автора. Это ее посвящение, которое мы приводим целиком.

«Посвящается г-ну М. Аретцу, портному. 27, rue Richelieu, Paris.

Милостивый государь!

Всякому человеку, какое бы ни занимал он общественное положение, следует отмечать и хвалить добродетель, где бы он ни находил ее, и выставлять ее на удивление и подражание своих ближних.

Несколько месяцев тому назад, когда Вы представили пишущему эти строки счет за сюртуки и брюки, доставленные

ему, и должник Ваш заметил Вам, что немедленная уплата счета поставила бы его в крайне затруднительное положение, Вы ответили ему так: „Боже мой, пожалуйста, не беспокойтесь об этом, сударь! Если Вы нуждаетесь в деньгах, что нередко случается с человеком, находящимся в чужой стране, то у меня дома есть тысячефранковый билет, который я могу предоставить к Вашим услугам“.

История и опыт, милостивый государь, доставляют нам так мало примеров благородных поступков, которые могли бы сравниться с Вашим (подобное предложение, как Ваше, со стороны чужого и притом еще портного кажется мне столь изумительным), что Вы должны извинить меня, если я публично заявляю о Вашей добродетели и знакомлю английский народ с Вашим именем и прекрасным характером Вашим. Я позволю себе еще прибавить, что Вы живете в первом этаже, что Ваш материал и Ваша кройка превосходны и что Ваши цены умеренны и добросовестны. В заключение позвольте мне положить к стопам Вашим эту книгу как слабое выражение моего глубокого уважения к Вам.

Ваш покорный и преданный слуга М. А. Титмарш».

В 1840 году, как известно, гроб Наполеона I был привезен с острова Св. Елены в Париж, с тем чтобы быть поставленным там в Доме инвалидов. Редакция «Журнала Фразера» отправила по этому случаю Теккеря в Париж, чтобы он присутствовал на величественной церемонии и потом дал отчет о ней в журнале. Отчет его потом вышел отдельной книжкой под названием «Вторые похороны Наполеона I». В этой книжке любопытна только помещенная в конце ее прекрасная баллада «Хроника одного барабана».

Фронтиспис «Парижских очерков» Теккерея, выполненный автором. 1840.

Теккерей Автошарж.

Теккерей вернулся из Парижа лишь летом 1841 года, а осенью этого же года в «Журнале Фразера» начала печататься его повесть «История Самуила Титмарша и великого Гогарта Диамонда», которая принадлежит к лучшим его произведениям. Карлейль в своей биографии известного английского писателя Джона Стерлинга приводит следующий отзыв последнего об этом сочинении Теккерей: «Есть ли что-нибудь лучше „Гогарта Диамонда“ между произведениями Филдинга или Голдсмита? Теккерей – истинный гений и в состоянии был бы при спокойной и безбедной жизни создавать такие долговечные шедевры, как те, которыми мы теперь обладаем и которые приводили бы в восторг миллионы наших потомков. В этом одном рассказе больше правды, чем во всех романах вместе взятых».

Но, несмотря на крупные достоинства этого произведения, оно сначала было замечено и оценено только очень немногими. Для широкой публики Теккерей все еще не существовал. Появившаяся в «Журнале Фразера» за 1843 год «Исповедь Фитцбуделя» и изданный в том же году отдельной книгой «Ирландский альбом» – плод продолжительного путешествия по Ирландии – также мало обратили на себя внимания массы читающей

публики.

В январе 1844 года в «Журнале Фразера» начали печататься знаменитые «Мемуары Барри Линдона» под псевдонимом «Фитцбудель». «По богатству воображения, языку, конструкции и вообще по литературному таланту, – говорит известный английский романист Антони Троллоп в своей книге о Теккерее, – это самое замечательное из всего, что он когда-либо написал». Но любопытно то, что Теккерей в этой повести употребляет те именно приемы, против которых он так возмущался в своем прежнем произведении «Катрина». Герой его повести, Барри Линдон, – величайший негодяй, какого только можно себе вообразить; однако он описан так, что почти невозможно не сочувствовать ему. С самой ранней молодости Барри ведет жизнь картежника, буяна и лгуна; он не способен чувствовать ни любви, ни благодарности; считает игру самым почтеннейшим занятием, какому только человек может посвятить свою жизнь; обман, по его мнению, всегда оправдывается успехом. Это человек, обладающий всеми пороками, способный на всякую низость, и однако он не трус: напротив, Барри смел, откровенен, энергичен и самоуверен.

И вот эта-то смелость, эта энергия, эта самоуверенность делают рассказ его о самом себе таким увлекательным, что вы невольно почти радуетесь всякому новому успеху его и чувствуете некоторое огорчение, когда узнаете о его конечной гибели. По своему характеру эта повесть Теккерея напоминает те именно романы Диккенса и Булвера, которые, по его собственному мнению, рисуют порок в привлекательном свете и тем самым как бы побуждают к подражанию ему; однако прочитавший ее вряд ли почувствует какое-либо желание подражать ловкому Барри Линдону. Одно из любопытнейших мест в этой повести – замечательная тирада Линдона в защиту картежничества.

«Мы всегда, – рассказывает он, – соглашались на игру в кредит со всяким джентльменом. Мы никогда никого не стесняли насчет срока уплаты нам нашего выигрыша и никогда не отказывались принимать взамен золота векселя. Но горе бывало тому, кто не уплачивал по векселю, когда наступит срок! Редмонд де Бамибари (так назывался тогда на континенте Барри Линдон) обыкновенно сам отправлялся в таких случаях к должникам и требовал уплаты долга. И, могу вас уверить, мы имели очень мало плохих должников! Напротив, дворяне бывали благодарны нам за наше снисхождение, и наша честность стояла вне всякого сомнения. В последнее время благодаря пошлomu предрассудку стали осуждать благородных людей, занимающихся игрой. Но я говорю здесь о том добром старом времени, которое было в Европе до постыдной трусости

французской аристократии (во время позорной революции, наказавшей ее по заслугам), которая дискредитировала нашу профессию. Теперь занятие игрой считают постыдным. Но я хотел бы знать, насколько их образ жизни почтеннее нашего. Этот игрок на бирже, который спекулирует и обманывает, покупает и продает, возится с ложными займами и зарабатывает на государственных секретах, – что он такое, как не игрок? А купец, который торгует салом и чаем, – разве он лучше? Его тюки грязного индиго – это его игральные кости, его карты выходят каждый год вместо каждых десяти минут, море – это его ломберный стол. Вы называете профессию адвоката почтенной в то время как человек, принадлежавший к ней, лжет за всякого, кто его нанимает; клеветает на бедняка для того, чтобы получить хорошее вознаграждение от богатого; обвиняет правого, потому что виноватый состоит его клиентом. Вы называете почтенным человеком доктора, пустого шарлатана, который сам не верит в то, что он прописывает и за что он берет у вас деньги. А с другой стороны, вот отважный человек, садящийся за стол и вызывающий на бой всех, ставящий свои деньги против денег других, свое состояние против состояния других, – и современное нравственное общество изгоняет его из своей среды! Это заговор средних классов против дворянства! Наступило царство лавочников. Я говорю, что игра была учреждением рыцарства. Она погибла вместе с другими привилегиями, которые были связаны со знатным происхождением...»

Когда еще продолжали печататься «Мемуары Барри Линдона», в июле 1844 года Теккерей неожиданно получил от одного своего приятеля, служившего в крупной паровой компании, приглашение отправиться в путешествие на Восток и бесплатный билет для поездки. В предисловии к описанию этого путешествия, изданному зимою 1845 года, Теккерей весьма остроумно передает впечатление, произведенное на него этим внезапным приглашением, и как он должен был торопиться с отъездом, получив билет всего за 36 часов до отплытия парохода. Во время путешествия ему удалось увидеть Лиссабон, Афины, Константинополь, Иерусалим и, наконец, Каир. Книга его об этом путешествии называется «От Корнхилла до великого Каира». Она иллюстрирована самим автором и имела широкий успех при своем появлении. В этом сочинении Теккерей в первый раз явился перед публикой под своим собственным именем.

Одновременно с сотрудничеством в «Журнале Фразера» Теккерей много писал и в еженедельном иллюстрированном сатирическом журнале «Панч», основанном в 1841 году. Он начал сотрудничать в этом издании в 1843 году, и с тех пор популярность журнала начала быстро расти. Статьи

его в «Панче» были по большей части небольшими, но полными тонкого юмора сатирами на современное ему английское общество. Его лучшая вещь в этом журнале – это ряд статей под общим названием «Записки о снобах», где он рисует весьма любопытный тип, встречающийся в самых разнообразных слоях английского общества. Снобизм, по мнению Теккерея, – это главный и самый отвратительный порок английского общества, происходящий от существования богатой и еще очень влиятельной аристократии рядом с полным авантюристов и выскочек буржуазным классом. Он называл снобом всякого мещанина, который преклоняется пред лордом только потому, что тот лорд, и в то же время считает себя вправе смотреть сверху вниз на бедного человека только потому, что он сам богат. Он называет снобом аристократа, который считает себя каким-то высшим существом только потому, что имеет право на титул и герб и смотрит с презрением на купца, у которого, однако, охотно берет займы деньги или на дочери которого женится из-за ее приданого. Он находит снобизм и среди низших классов общества. Там он выражается в одновременном благоговении и пред титулами, и пред богатством. Однако в своей ненависти к снобам и снобизму Теккерей, по мнению Троллопа, иногда хватает через край и видит их даже там, где на самом деле вовсе нет ни первых, ни второго.

Вообще, снобизм был чем-то вроде пункта помешательства для Теккерея. Он относился к снобам и громил их так, как будто они были его личные враги или как будто он считал существование их серьезной опасностью для английского общества.

Теккерей продолжал сотрудничать в «Панче» до 1852 года.

С выходом в свет в конце 1845 года «Путешествия из Корнхилла в великий Каир» кончается, можно сказать, первый период литературной деятельности Теккерея. Это был период медленного роста его славы и постепенного завоевывания внимания английской публики. Рассматривая первое десятилетие литературной деятельности Теккерея, невольно поражаешься той медлительностью, с какой росла его популярность. Диккенс был на год моложе Теккерея, а между тем его имя уже гремело во всей Англии еще в 1837 году, то есть тогда, когда не только немногие знали, но даже немногие интересовались знать настоящее имя автора остроумных «Записок Елоплаша». Диккенс тогда уже успел напечатать «Пиквика», «Оливера Твиста» и «Николаса Никльби». Его место в литературе уже было упрочено и направление его стало вполне определенным в то время, как Теккерей все еще как будто пробовал свои силы, все еще как будто не был уверен в своем призвании и еще не решил, на каком роде литературной

деятельности остановиться. Этот контраст между карьерами двух одинаково великих писателей Треллоп объясняет преимущественно различием их характеров. В то время как Теккерей отличался неуверенностью в себе, в своих силах, в своем таланте и в своей способности к усидчивому труду, Диккенс был полон веры в себя и в людей, полон энергии, бодрости, жизнерадостности, страстно любил труд и вообще представлял в высшей степени цельную натуру.

В этот первый период своей литературной деятельности Теккерей не раз приходилось получать обратно свои статьи от издателей или сокращать их по требованию редакторов. Нередко случалось ему слышать от своих издателей жалобы, что его книги не покупаются и не читаются. Такие неприятности, неизбежные в жизни писателя, обыкновенно производили на него крайне удручающее впечатление. После каждого подобного случая он чувствовал себя так, как будто почва уходила из-под его ног. Он даже начинал сомневаться в том, поступил ли он разумно, посвятив себя литературной деятельности. Надо, впрочем, заметить, что в огорчениях Теккерей уколы авторского самолюбия играли самую ничтожную роль. Это видно из того, что он обо всех подобных неприятностях немедленно рассказывал всем знакомым, добродушнейшим образом жалуясь пред ними на преследование судьбы. Он даже как-то раз в обществе обратился к одному издателю с таким вопросом: «Так вы решительно отказываетесь издавать мое сочинение?»

Но даже в этот сравнительно неудачный период своей литературной деятельности Теккерей ничем не проявлял никакой зависти к своему великому сопернику Диккенсу. Именно к этому времени относятся статьи его о Диккенсе, полные восторженных отзывов об авторе «Пиквика» и пророчествовавшие ему великое будущее.

В 1837 году, то есть тогда, когда Теккерей уже успел потерять все свое отцовское наследство и в то же время еще не занял прочного и определенного положения на поприще литературы, он женился в Париже на дочери полковника Шоу – Изабелле.

Теккерей с женой в первые годы супружества. Рисунок Теккерей.

Выбор его был очень удачным; но, тем не менее, брак этот оказался несчастным. Только три счастливых года прожил Теккерей со своей женой. В 1840 году она внезапно серьезно заболела. Благодаря чрезвычайно заботливому уходу мужа Изабелла через несколько недель стала поправляться, но никогда уже не была вполне здоровой. У нее скоро стали замечаться признаки психического расстройства. Теккерей долго не верил тому, что это состояние ее было не временное; он с самой нежной заботливостью ухаживал за ней, и только после долгих мучительных сомнений и колебаний для него стало очевидным, что продолжать жить вместе невозможно. Он поместил ее отдельно, в обществе компаньонки, и заботился о том, чтобы она никогда не чувствовала ни в чем нужды. От этого брака у него были две дочери. Старшая, Анна, теперь госпожа Ритчи, унаследовала талант отца и считается в настоящее время одной из лучших романисток в Англии. Вторая, Генриетта, бывшая замужем за английским писателем Лесли Стефен, ненадолго пережила отца.

Страшное семейное несчастье, которое так рано постигло Теккерей, нанесло его душе глубокую рану, и эта рана уже до самой смерти его не

заживала. Об ужасном и неизгладимом впечатлении, которое этот удар произвел на нежную душу Теккеря, можно судить по следующему отрывку из одного написанного им много лет спустя прелестного стихотворения:

Дни быстро уходят... Теперь я один
С тоской вспоминаю бывшее:
Когда-то сидело за этим столом
Со мной существо дорогое!
Оно прижималось с лаской ко мне,
Глядело с любовью в очи, —
Но не с кем мне чаши теперь разделить
И страшен мне мрак долгой ночи...

Глава V. «Ярмарка тщеславия»

В первое десятилетие своей литературной деятельности Теккерей, как мы видели, написал довольно много, а если принять во внимание его прирожденную лень и неспособность к усидчивому труду, то можно сказать, что он за это время написал даже очень много. Но всё это были произведения сравнительно мелкие, не вполне законченные и недостаточно обработанные. Те, кто знал Теккерей и внимательно следил за всем, что выходило из-под его пера, замечали и в ранних произведениях его следы оригинального крупного таланта. Некоторые из них, как например уже упомянутый нами писатель Стерлинг, даже предвещали ему великую будущность, судя только по этим первым произведениям. Теккерей сам при всей своей мнительности, при всем недоверии своем к способности публики понять его и к своей способности вызвать это понимание не мог, конечно, вполне удовлетвориться тем, что ему пришлось написать в течение первых десяти лет. Чувствуя в себе крупные силы, он страстно желал воплотить их в чем-нибудь крупном. Но лишь в 1847 году, то есть на 36-м году своей жизни, ему удалось наконец выпустить в свет свое первое крупное произведение. Это был роман «Ярмарка тщеславия».

with the author's compliments.

Рисунок Теккеря, изображающий Панча на экземпляре «Ярмарки Тщеславия»

Напомним читателям вкратце содержание этого известного романа.

Мисс Амалия Седли, дочь богатого лондонского биржевика, оставляет пансион по окончании учения в нем. Содержательница этого пансиона, старая мисс Пиккертон, глубоко убеждена в том, что нет более фешенебельного заведения, чем ее, что дочери лучших аристократических фамилий если еще не все получают, то, несомненно, должны получать свое образование у нее. Она никогда не может забыть того, что ее школу однажды посетил покойный доктор Джонсон, автор знаменитого в Англии энциклопедического словаря, и никогда не упускает случая упомянуть об этом великом для нее событии в письмах к родителям своих воспитанниц. Когда воспитанницы оставляют ее образцовую школу, она обыкновенно дает каждой из них на память один экземпляр великой энциклопедии с собственноручной надписью на ней. В то утро, когда экипаж Седли подъехал к пансиону, чтобы увезти домой Амалию, почтенная мисс Пиккертон торжественно приказала своей младшей сестре вынуть из шкафа один экземпляр энциклопедии для уезжающей воспитанницы. А когда та робко заметила, что надо бы дать один экземпляр и мисс Ребекке, или Бекки Шарп, которая одновременно с Амалией оставляет пансион и уезжает на короткое время в гости к последней, старая дева пришла в ярость от глупости своей сестрицы: она никак не могла понять, что какая-нибудь нищая Бекки достойна получить такое сокровище, как энциклопедия Джонсона, стоимостью в целых полкроны. После трогательного прощания со своими подругами, после прикладывания Бог знает сколько раз носового платка к глазам мисс Амалия наконец выходит из пансиона и садится в отцовский экипаж. За ней следует ее подруга мисс Бекки Шарп. Эта не плакала при прощании со школой, да и никто в школе не плакал, расставаясь с ней. В ее зеленых глазах видна была не скорбь о разлуке, а торжество освобождения. Когда Бекки уселась рядом с Амалией в экипаж, к ней тихо подошла младшая Пиккертон и робко подала от себя великую энциклопедию, надеясь этим несказанно обрадовать бедную девушку, которая, по ее мнению, не могла бы утешиться всю свою жизнь, не получив этого подарка. Каковы же были ее удивление и ужас, когда бессмертное произведение доктора Джонсона полетело к ее ногам из окна экипажа в тот самый момент, когда он тронулся! Это, можно сказать, был первый акт Бекки Шарп на сцене жизни, на которой она впоследствии некоторое время играла блестящую роль.

Детство Бекки было не особенно светлым. Отец ее был довольно даровитый художник, но большой пьяница, мать – оперная танцовщица. Родители ее жили довольно бедно и не особенно мирно. Отца ее вечно преследовали кредиторы. На их квартире часто собирались художники, приятели ее отца, и проводили целые вечера в пьянстве. Маленькая Бекки была любимицей всех. Художники удивлялись ее необыкновенному уму и замечательной способности передразнивать всех. В такой обстановке она жила до шестнадцатилетнего возраста, когда отец ее неожиданно умер от белой горячки. Незадолго перед смертью старик Шарп написал трогательное письмо к мисс Пиккертон, в пансионе которой он преподавал живопись, прося ее принять к себе его Бекки, когда она останется сиротой. Мягкосердечная Пиккертон охотно приютила у себя Бекки после смерти ее отца, тем более, что та ей сберегала расходы на учителя французского благодаря своему прекрасному знанию этого родного языка своей покойной матери. В пансионе добродетельной мисс Пиккертон Бекки третировали, как нищую. Но зато и она не скрывала своей ненависти и презрения к своей патронессе. Наконец, ее отношения с Пиккертон стали уж слишком натянутыми, и та, несмотря на то, что очень нуждалась в Бекки, решила скрепя сердце расстаться с ней и рекомендовала ее гувернанткой в один богатый дом. Бекки, конечно, была очень рада расстаться с пансионом, но, прежде чем отправиться на должность, она по приглашению Амалии согласилась погостить несколько дней в доме ее родных, куда они теперь и едут.

Дома девицы встречают прежде всего молодого Седли Джозефа, или просто Джоса, как его зовут в семье. Он только что приехал из Индии, где накопил много денег на службе в Ост-Индской компании. Это необыкновенно толстый, безобразный, глупый, тщеславный и застенчивый субъект. Но все эти недостатки брата подруги не мешают Бекки начать немедленную атаку против него, к ужасу миссис Седли и к потехе старого Седли. Играя на тщеславии Джоса, Бекки в два-три дня так опутывает бедного юношу, что тот уже готов объясниться ей в любви. Но досадная случайность неожиданно расстраивает глубоко продуманный план Бекки. В тот вечер, когда должна была решиться судьба ее, она вместе с Джосом, Амалией и женихом последней отправляется в какой-то увеселительный сад. Там влюбленный Джос незаметно так напивается, что начинает при всей публике обнаруживать свои чувства к Бекки... После такого скандала ему остается одно из двух: или сделать формальное предложение, или обратиться в бегство. Застенчивый юноша, конечно, предпочитает последнее, к величайшему огорчению Бекки.

После скандального финала ее романа с молодым Седли Бекки находит лучшим поскорее убраться из этого гостеприимного дома и отправиться к исполнению своей должности в дом сэра Питта Кроулей, к дочерям которого она приглашена гувернанткой. С этих пор судьбы Амалии и Бекки, двух центральных фигур романа, расходятся и впоследствии сталкиваются только изредка и случайно.

Новый патрон Бекки вопреки ее ожиданиям не оказывается вполне достойным своего аристократического имени и представляет собой далеко не того почтенного, солидного человека, каким она воображала всех знатных людей вообще и сэра Питта в частности. Это просто пьяный, развратный и скупой старик, которого все подвластные боятся, а все соседи-дворяне презирают. Жена его, дочь богатого купца, на которой он женился из-за приданого, играет в доме самую жалкую роль. Муж ее презирает, а дети и прислуга совершенно не замечают. Она жестоко наказана за то, что захотела быть женой дворянина. Попав в этот дом, Бекки старается, прежде всего, угождать всем. Она играет в домино с бароном, читает французские романы со своими воспитанницами, выслушивает благочестивые наставления старшего сына барона, мистера Питта, и усердно читает его политические памфлеты, наконец, чрезвычайно вежлива с прислугой. Таким путем ей в короткое время удается завоевать симпатии всех в доме. Старый барон скоро делает ее главным секретарем и своим доверенным, так как она пишет гораздо правильнее и лучше его.

В деревне сэра Питта живет в качестве священника местной приходской церкви младший брат его Бут. Младший представитель знаменитой фамилии немногим лучше старшего. Если Бут пьет меньше сэра Питта, то это не вследствие его умеренности, а просто потому, что жена его, имеющая большую власть над ним, запирает от него вино и выдает ему не больше того, сколько, по ее мнению, прилично употреблять особе его звания. Если он поддерживает сношения с соседними дворянами, то это не столько из-за духовных интересов, сколько из-за грубо материальных: он беден и, стало быть, нуждается в богатых покровителях, наконец, в то время как дома он должен поневоле быть воздержанным, в гостях он может свободно удовлетворять своей фамильной страсти. Духовный сан точно так же нисколько не мешает Буту Кроулей находить большое удовольствие в охоте на зайцев и на крыс.^[5] К духовной жизни своих прихожан он относится с философским равнодушием, по воскресеньям читает в церкви великолепные проповеди, которые, однако, для него всегда являются такими же сюрпризами, как и для слушателей его.

Прихожан поражают глубина и возвышенность мысли, которыми отличаются эти проповеди, в их заведомо легкомысленном пастьере. Последнего это же самое поражает в его супруге, которая, как ему одному известно, и есть настоящий автор этих красноречивых наставлений. Вообще миссис Бут представляет во всех отношениях, кроме грубой материалистичности, противоположность своему мужу: она воздержанна, скупа, энергична и благочестива. Будучи матерью многочисленного семейства, она при очень ограниченных средствах не только ухитряется сводить концы с концами, но и находить возможным поддерживать связи с аристократическими семействами и даже откладывая на приданое своим чрезвычайно безобразным дочерям. Между резиденцией барона и домом пастора отношения далеко не из мирных. Немаловажной причиной раздоров между братьями является сестра их, мисс Кроулей. Последняя особа слывет большой вольтерьянкой. Вольтерьянство ее выражается в том, что она относится сочувственно к Наполеону I, любит вообще французов и считает личные достоинства и заслуги выше титулов. Но не эти качества делают ее причиной раздоров между братьями. Она обладает состоянием в 700 000 рублей, и вот это-то состояние ее и не дает спать спокойно ее братьям и делает мир между ними совершенно невозможным. Миссис Бут Кроулей со свойственной ей основательностью находит, что мисс Кроулей не может ничего лучшего сделать со своим капиталом, как оставить его в наследство ее дочерям. А сэр Питт Кроулей со свойственным ему эгоизмом полагает, что сестра его должна оставить капитал свой именно ему, главе фамилии. Но мисс Кроулей благодаря своему вольтерьянству и вообще своим просвещенным взглядам намеревается оставить самую крупную часть своего состояния своему любимцу Равдону Кроулей, младшему сыну барона. Гвардейский капитан Равдон Кроулей нравится своей тетке тем, что он, если не в теории, то на практике, такой же крайний вольтерьянец, как она. Он прекрасно играет в карты и на бильярде, уже успел убить одного дворянина на дуэли, – и вообще славится в армии как самый распутный и отчаянный человек. Эта-то именно отчаянность и нравится его тетке, и она всегда щедро снабжает его деньгами и оплачивает его долги. Такое предпочтение со стороны богатой тетки, конечно, делает его предметом ненависти не только для миссис Бут Кроулей, но и для самого барона Питта, его отца... Таковы главные представители фамилии Кроулей, среди которых Бекки приходится жить и действовать. Нечего и говорить о том, что ей в короткое время удается приобрести доверие даже подозрительной жены пастора. А когда мисс Кроулей, по своему обыкновению, приезжает к барону в гости, Бекки очень быстро успевает очаровать и ее. Старая дева

скоро открывает, что гувернантка барона просто чудо, что она умнее всех в доме, что она милейшее существо в мире и так далее. А любимец ее, Равдон Кроулей, приехавший вскоре после нее, о Бекки, конечно, такого же мнения, как и ее тетка. Бекки решает воспользоваться благоприятным впечатлением, произведенным ею на тетку и племянника, чтобы осуществить, наконец, те замыслы свои, которые ей не удалось в доме Седли. Это оказывается легче, чем она ожидала. Гвардейский капитан уже спустя две недели без ума от нее. Счастье начинает улыбаться Бекки. Между тем с мисс Кроулей случается одна из тех неприятностей, которые нередко бывают с ней в доме ее брата. Однажды она выпивает слишком много вина за ужином и заболевает. Когда ей становится немного легче, она решает уехать к себе домой, в Лондон. Бекки должна ехать и быть с ней, по крайней мере, какое-то время, так как старая дева уже не может с ней расстаться. В Лондоне, в доме больной мисс Кроулей, Бекки окончательно покоряет влюбленного Равдона. В это время умирает жена сэра Питта Кроулей. Барон немедленно после похорон жены приезжает к своей сестре и начинает настоятельно требовать от Бекки, чтобы она вернулась домой к своим воспитанницам. Когда та замечает ему, что ей неловко будет жить у него после смерти его жены, он недолго думая предлагает ей занять место леди Кроулей и для большей убедительности становится пред ней на колени. Тогда Бекки сквозь слезы (вполне искренние на этот раз) признается ему, что она уже замужем и, стало быть, должна отказаться от его почетного предложения. Компаньонка мисс Кроулей, услышав за дверью предложение, которое барон сделал Бекки, побежала докладывать об этом своей патронессе. Та, несмотря на свою болезнь, быстро спускается вниз и входит в комнату, где беседуют барон и Бекки, как раз в тот момент, когда сэр Питт стоит на коленях перед своей гувернанткой... Просвещенная мисс Кроулей, с одной стороны, негодует на Бекки за то, что та, будучи простой гувернанткой, посмела отказать барону, но, с другой стороны, она и довольна ею, так как этот поступок ее доказывает ее скромность и то, что она знает свое место... Несколько дней спустя после этого происшествия компаньонка мисс Кроулей находит утром в комнате Бекки адресованное ей письмо, в котором та сообщает, что принуждена была оставить гостеприимный дом своей покровительницы, так как она тайно обвенчалась с ее племянником Равдоном, и просит выхлопотать прощение для нее у своей патронессы и т. д.... В это же роковое утро к мисс Кроулей приезжает в гости из деревни знакомая нам уже родственница ее, миссис Бут Кроулей. Она, конечно, в восторге от письма Бекки, зная, что оно вызовет разрыв Равдона с теткой, но считает лишним

это обнаруживать. Вместе с компаньонкой почтенная пасторша ухитряется так тонко и деликатно сообщить неприятную новость мисс Кроулей, что с той приключается удар и она опасно заболевает. Во время долгой болезни ее миссис Бут Кроулей так заботливо ухаживает за ней, что чуть не залечивает ее до смерти. К счастью для старой девы, доктор ее, опасаясь потерять хорошую клиентку, вовремя уговаривает пасторшу уехать домой. Мисс Кроулей, несмотря на свое свободомыслие и вольтерьянство и вопреки всем ожиданиям Бекки, окончательно прерывает всякие контакты со своим племянником и лишает его наследства. Но Бекки, теперь уже Ребекка Кроулей, не теряет все-таки надежды рано или поздно вернуть к себе расположение старой девы. А тем временем молодая чета живет в долг. Равдон деятельно играет в карты и на бильярде, и его выигрыши дают им возможность кое-как сводить концы с концами... В это время полк, в котором служил муж Бекки, в числе других отправляется в Бельгию для участия в последнем походе против Наполеона. Бекки, конечно, едет за мужем. В Брюсселе она скоро очаровывает генерала, при котором муж ее состоит адъютантом, и драгоценные подарки начинают сыпаться на нее дождем. Но она очаровывает не одного старика генерала. Все, кто встречается с ней, приходят от нее в восхищение. Бекки позволяет всем восторгаться ею, благосклонно принимает от всех подарки, букеты и тому подобное и даже не имеет ничего против того, чтобы обожатели ее проигрывали свои деньги ее мужу. Благодаря своему поклоннику-генералу и отчасти тому обстоятельству, что английские аристократы на континенте менее надменны, чем у себя дома, Бекки сразу попадает в самое высшее общество... Наконец, английские войска получают приказ о выступлении в поход. В утро отъезда Равдон очень грустен: он страшно любит свою Бекки и боится, чтобы в случае его смерти она не осталась без всяких средств. Он отдает ей все что имеет, даже надевает для похода старый мундир, с тем чтобы Бекки в случае его смерти могла получить что-нибудь за его новый мундир, и нежно прощается с ней. Но Бекки несколько не расстроена отъездом мужа. Проводив его, она тотчас берет бумагу и карандаш и начинает высчитывать, сколько денег она сумеет выручить за все свое имущество в «крайнем случае», то есть если Равдон не вернется. Полученным итогом она остается совершенно довольна. Но на всякий случай она отправляется к Джозефу Седли, тоже живущему в это время в Брюсселе, и старается «обеспечить» его на будущее время... Происходит знаменитое сражение при Ватерлоо. Наполеон побежден, и победители-британцы вступают вместе с Людовиком XVIII в Париж. В Париже Бекки имеет еще больший успех, чем в Брюсселе. В ее салоне собирается цвет

английской и французской аристократии. Ее даже представляют ко двору. Равдон, теперь уже полковник, играет в Париже очень удачно. Хозяин отеля и все магазины охотно дают им в долг. Но мало-помалу общество начинает относиться к Бекки все холоднее и холоднее. Салон ее начинает пустеть, потому что полковник Равдон играет уж слишком удачно. Приходится подумывать об отъезде. В это время умирает старая мисс Кроулей; по оставленному ею завещанию, все ее состояние переходит к старшему сыну барона, мистру Питту Кроулей, молодая жена которого так очаровала старую деву, что та, вопреки своей прежней нелюбви к Питту, изменила завещание в его пользу. Под предлогом получить наследство умершей тетки Бекки с супругом уезжают из Парижа, не уплатив никому ни гроша. В Лондоне они устраиваются в материальном отношении точно так же, как в Париже. Тут доступ в аристократическое общество сначала закрыт для Бекки: все знавшие ее в Париже здесь ее уже не узнают. Однако в ее маленьком салоне не находят зазорным собираться по вечерам молодые вестэндские денди.

Брат Равдона, ставший бароном, членом парламента и очень богатым после смерти отца и тетки, очень неравнодушен к Бекки. Она очаровывает и добродушную жену его. Наконец, осуществляется заветная мечта Бекки: ее представляют к английскому двору. После этого салоны высшего света начинают открываться перед ней. Этому в особенности способствует то обстоятельство, что барон Стейн, один из богатейших и знатнейших аристократов Англии, очень расположен к ней. Но этот барон, старый развратник и циник, покровительствует Бекки и даже дает ей время от времени чеки на очень крупные суммы, – конечно, недаром... Равдон сначала ничего не замечает, но мало-помалу сомнение начинает закрадываться в его душу... Наконец однажды вечером, вернувшись неожиданно домой, полковник находит свою Бекки в объятиях барона Стейна... Скандал, происшедший при этом, на другой день становится известным всему аристократическому Лондону. Несмотря на уверения Бекки, что она невинна, Равдон не хочет больше ее знать. Он отправляется на остров Ковентри, куда по протекции Стейна он был еще до скандала назначен губернатором, оставив сына на попечении брата. А Бекки отправляется на континент... Она, наконец, пожинает то, что посеяла. Дальнейшая судьба ее очень печальна: она падает все ниже и ниже... Много лет спустя случай опять сталкивает ее с Джозефом Седли, и на этот раз она уже не выпускает его. Она втягивает его в ту же трясиину, куда сама попала, и делает толстяка в последние годы его жизни глубоко несчастным. На этом Теккерей кончает с Ребеккой Шарп.

Теперь нам остается рассказать вкратце историю Амалии. Ее судьба, связанная с судьбой любимца автора Уильяма Доббина, одного из главных лиц романа, небогата эффектными событиями. Мы оставили ее в доме ее родителей несколько дней спустя по ее возвращении из пансиона. Она переживала тогда медовый месяц своей любви к молодому красавцу офицеру Джону Осборну, с которым была обручена еще в детстве. Отец Джона Осборна, теперь очень богатый банкир, когда-то был очень беден, и своим возвышением он обязан Седли. На отца Амалии вдруг обрушивается ужасное несчастье. Неожиданное бегство Наполеона с Мальты производит панику на бирже, и Седли окончательно разорен. Семья Амалии должна оставить свой роскошный дом и поселяется за городом в бедной квартире. Старый Осборн не только не помогает в нужде Седли, но даже запрещает сыну своему жениться на Амалии, с которой тот уже много лет обручен. Джон Осборн, пустой, тщеславный мальчик, хотя не без хороших качеств, ничего не обещает отцу, но и не настаивает на браке с Амалией. Однако под влиянием убеждений своего друга и товарища Доббина он решается вопреки запрещению отца жениться на ней. Старик Осборн, узнав об этом, отрекается от сына. В это время Джону Осборну приходится отправиться на континент для участия в походе против Наполеона. Амалия едет за мужем в Брюссель. Здесь она встречается с Бекки. Последняя начинает кокетничать с Осборном, которого Равдон обыгрывает. Бедная Амалия замечает начинающуюся связь ее мужа с Бекки... Но вот получен приказ о выступлении. Осборн забывает Бекки и нежно прощается со своей молодой женой, к великому утешению последней... Муж Амалии умирает в сражении. Весть об этом чуть не убивает ее, но рождение сына спасает ее жизнь. Она возвращается в Лондон к родным, а Доббин уезжает со своим полком в Индию... Начинается печальное, одинокое существование. Единственным утешением для Амалии является сын, очень похожий на покойного отца. Амалия свято чтит память своего покойного мужа, который, по ее мнению, был величайшим и благороднейшим из людей и оставался ей верен до конца. Когда сын ее начинает уже ходить в школу, его дед вдруг смягчается и предлагает Амалии отдать ему его на воспитание. Она долго и мучительно колеблется, наконец, для блага ребенка решается расстаться с ним... После многих лет отсутствия возвращается из Индии в Лондон Доббин. Он все еще любит Амалию, он не переставал любить ее с первого дня знакомства с ней. Но Амалия остается непреклонной в своем решении остаться до гроба верной памяти глубоко любившего ее мужа... Между тем умирает старый Осборн и оставляет половину своего состояния внуку, а мать его назначает опекуной... Амалия с сыном в сопровождении

брата и Доббина отправляются в путешествие на континент. Здесь они случайно сталкиваются с Бекки. Амалия все прощает своей несчастной подруге и приглашает ее жить к себе несмотря на протесты Доббина. Раздраженный этим и потеряв всякую надежду на Амалию, Доббин уезжает в Англию. Амалия вскоре узнает Бекки. Та, чтобы ей было удобнее эксплуатировать Джозефа Седли, старается устроить примирение Амалии с Доббином. Для этого она показывает Амалии любовную записку, полученную ею от ее мужа накануне его выступления в поход. Теперь Амалии ничто уже не препятствует выйти замуж за Доббина. Она вызывает его из Лондона, и они женятся... На этом кончаются история Амалии и «Ярмарка тщеславия».

Этот замечательный роман начал выходить отдельными ежемесячными выпусками с 1 февраля 1847 года. Последний, 25-й выпуск появился лишь в конце 1848 года. Курьезно, что это произведение Теккерея, сделавшее сразу его имя одним из популярнейших в Англии, было отвергнуто редактором одного тогдашнего журнала, в котором автор пытался его напечатать. Поэтому-то Теккерею и пришлось обратиться к издателям и выпускать роман отдельными выпусками, подобно тому, как это делал со своими сочинениями Диккенс. Уже с первых выпусков «Ярмарка тщеславия» стала обращать на себя внимание. О новом произведении Теккерея заговорили повсюду. Каждый новый выпуск ожидался все с большим и большим нетерпением. Но все-таки отношение публики и критики к этому роману вначале было скорее неблагоприятным, чем благожелательным. Новое произведение Теккерея было слишком оригинально, слишком не похоже на те романы, к которым английская публика привыкла. Во-первых, роман этот, по заявлению самого автора, был без героя, – обстоятельство, сильно смущавшее английскую публику, привыкшую к романтическим историям Вальтера Скотта и к сентиментальным романам Булвера. Во-вторых, действительность изображалась там так просто, ясно и выпукло, так естественно и бесцеремонно, что публика даже сомневалась, можно ли такое произведение считать романом, а не простой сатирой. В романах привыкли встречать героев, которые совершают подвиги, чувствуют возвышенно и говорят красиво, борются со злом и в конце концов торжествуют над ним и тому подобное. А в «Ярмарке тщеславия» не находили ничего похожего. Там нет такого лица, которое было бы достойно имени героя или героини, потому что нельзя же в самом деле называть героинями авантюристку Бекки Шарп или слабую, недалекую и плаксивую Амалию или героем – некрасивого, неуклюжего, простоватого Доббина. Бекки Шарп,

предположим, – необыкновенный плут, но ведь плутов, даже необыкновенных, до сих пор, по крайней мере, еще не принято признавать героями. А что касается Амалии или Доббина, то они могут вызвать в читателе только жалость или симпатию к себе, но уж никак не удивление, как это бывает с героями. Затем, все события, рассказываемые в романе, уж слишком обыкновенны, будничны. Правда, история битвы при Ватерлоо вплетена в рассказ очень пикантно, а сцена расправы Равдона Кроулей с лордом Стейном очень эффектна, но ведь все остальное – самая серая действительность. Наконец, вместо того чтобы в действующие лица романа избрать преимущественно добродетельные особы и только для разнообразия и для контраста выставить и нескольких грешников, Теккерей поступил как раз наоборот: большинство лиц его романа – плуты, негодяи, эгоисты, обжоры, пьяницы и так далее, и только меньшинство – представители добродетели. Вместо того, чтобы заставить грешников в конце концов погибнуть, а добродетельных торжествовать, автор «Ярмарки тщеславия» первых не особенно строго наказывает, а последних не особенно щедро награждает, и так далее, и так далее. В особенности были недовольны романом дамы. По их мнению, Теккерей в своем произведении отнесся несправедливо к их полу. Что Бекки Шарп представлена была в таком непривлекательном свете, – это английские читательницы охотно извиняли автору, потому что Бекки по происхождению своему была наполовину француженкой, и, стало быть, можно было с чистой совестью все ее пороки отнести к этой половине, а добродетели (если таковые были) – к английской половине. Но что Амалия, которой автор, очевидно, сильно симпатизирует, представлена им глупенькой, – глубоко возмущало гордых британок. По их мнению, Теккерей это сделал нарочно, чтобы показать, что мужчинам могут нравиться только глупые женщины...

Однако, несмотря на все эти будто бы недостатки, новый роман читался очень усердно, и его успех был несомненен. После выхода 11-го выпуска, то есть задолго еще до конца романа, «Эдинбургское обозрение», лучший английский критический журнал того времени, посвятил целую статью разбору нового произведения Теккерей. Автор этой статьи отзывался с восторгом о «Ярмарке тщеславия». Мнение, высказанное тогда им, в настоящее время признается всеми английскими критиками.

«Главная прелесть этого произведения, – писал тогда критик „Эдинбургского обозрения“, – состоит в полном отсутствии в нем манерности и аффектации как в стиле, так и в чувстве; в добродушной бесцеремонности, с которой автор обращается с читателем; в полнейшей беззаботности, с которой он высказывает свои мысли и чувства по поводу

каждого события рассказа... Автор ни на чем не останавливается слишком долго, ничего слишком не пережевывает; он как бы незаметно роняет свои тончайшие замечания и удачнейшие примеры, как герцог Бекингэмский роняет свои перлы, предоставляя подбирать их и оценивать тем разборчивым читателям, которых судьба случайно ему пошлет. Этот роман производит впечатление истинного, здорового искусства. Читая его, вы не подвергаетесь терзаниям разными ужасами, как в романах школы Эжена Сю, а также не находите там мелодраматических негодяев... Пафос здесь не столь глубок, как у Диккенса, но тем не менее чрезвычайно нежен; автор, по-видимому, старается заглушить его, как бы стыдясь показать себя слишком чувствительным, но все усилия скрыть его за сатирой, иронией или философией оказываются тщетными...»

Теккерей сам считал «Ярмарку тщеславия» лучшим своим произведением. «Бекки Шарп, – заметил он однажды одному знакомому, – сделала мою карьеру. Я женился рано и писал для хлеба. „Ярмарка тщеславия“ была первым удачным произведением моим». О самой Бекки он отзывается так: «Мне нравится Бекки в этом романе. Мне кажется, что в некотором отношении наши вкусы общие. Я люблю так называемую богему. Из всех людей мне более всего нравятся художники и вообще богема...»

Гуляя со своими дочерьми по улицам Лондона, он любил показывать им дома, где будто бы жили герои его романов. Он раз серьезнейшим образом показал одному приятелю, с которым гулял, тот самый дом, где жило семейство Седли до своего разорения. Это показывает, до какой степени для него было живо и реально все то, что он описывал.

В «Ярмарке тщеславия» есть одно необыкновенно удачное место, именно где Бекки восхищается своим мужем в то время, когда тот расправляется с лордом Стейном и, стало быть, губит навсегда ее же карьеру. Кто-то раз указал Теккереею на это место романа, и тот со свойственной ему прямоотой и добродушием ответил: «Когда я написал это место, я ударил кулаком по столу и воскликнул: „Вот это гениально!“»

После появления «Ярмарки тщеславия», в особенности после прекрасного отзыва о ней в авторитетном журнале, на Теккерее сразу стали смотреть как на великого писателя. Все стали с нетерпением ожидать его новых произведений. Высший свет тотчас открыл ему доступ в свои салоны. На знакомство с ним уже смотрели как на честь. Его стали наперебой приглашать на банкеты, торжественные обеды, балы и тому подобное. Словом, он достиг всего, на что только может надеяться писатель. Но, несмотря на это, великий романист все-таки еще продолжал

сомневаться в прочности своего успеха. Он не верил, что ему удастся продержаться долго на той высоте, на которую он взобрался. А между тем он чувствовал и признавал свой долг по отношению к своим детям. Его пугала одна мысль о том, что он может умереть, не успев обеспечить их. А потому он стал хлопотать о получении места на государственной службе, – для того чтобы иметь постоянный доход. У него были крупные связи в главном почтовом управлении, и он надеялся получить место на почте. Дважды за короткое время случались вакансии, но каждый раз ему предпочитали другого, более знавшего это дело. После этих неудач Теккерей на время перестал думать о государственной службе. Но когда через несколько лет освободилось место в английском консульстве в Нью-Йорке, он снова стал хлопотать. Но и на этот раз его постигла неудача. Нет, однако, никакого основания предполагать, чтобы Теккерей впоследствии особенно сожалел об этих неудачах.

Глава VI. «История Пенденниса». «Ньюкомы». «История Эсмонда». «Виргинцы»

Вскоре после окончания «Ярмарки тщеславия», то есть в начале 1849 года, начал печататься второй большой роман Теккерея – «История Пенденниса». В предисловии к этому сочинению Теккерей сетует на то, что современные ему читатели не любят реалистического изображения действительности. «Вы не хотите слышать, – говорит он, – что происходит в действительной жизни, что делается в обществе, в клубах, в школах, как живут и говорят ваши сыновья...» «Я вам рассказываю, – говорит он в другом месте, – как человек поступает на деле, но это не удовлетворяет вас. Вам не нравится мой Пенденнис, потому что он не ангел и не дьявол. Что же делать? Но я не намерен изображать вам ни ангелов, ни дьяволов, потому что я ни тех, ни других не встречаю в жизни. Я представил в этой книге современного молодого человека таким, как он есть и как я его вижу. Если он вам не нравится, тем хуже для вас...»

И действительно, Артур Пенденнис далек от того, чтобы быть ангелом, но его так же несправедливо было бы считать и извергом. В нем нет ничего геройского, он не вызывает ни удивления, ни ужаса к себе, но, тем не менее, читатель не может не относиться к нему с некоторым сочувствием. Он падает и ушибается, как все люди. Он тщеславен, суетен, самоуверен в юности своей, как мы все бываем в эту пору жизни. Мы охотно прощаем ему его заблуждения и недостатки, потому что они уж слишком обыкновенны, слишком общечеловечны. Но мы, кроме того, замечаем в нем и маленькую искру Божию, ставя его, хотя и очень немного, но все-таки выше среднего уровня.

Английский писатель Джеймс Генней в своих прекрасных «Этюдах о Теккерее» говорит об «Истории Пенденниса» так: «„Пенденнис“ по содержанию своему менее интересен, чем „Ярмарка тщеславия“, и по форме гораздо ниже этого романа. Самый лучший характер в „Пенденнисе“ – это Варрингтон, один из наиболее живых и симпатичных типов Теккерея; к сожалению, ему приходится играть в рассказах второстепенную роль. Майор Пенденнис – это одна из самых удачных комических фигур Теккерея... Роман этот написан прекрасным языком и полон умных и тонких замечаний. Но эти достоинства несколько не поражают читателя,

так как он привык находить их во всяком сочинении того же автора. В целом же „История Пенденниса“ ниже того, на что был способен Теккерей».

Некоторые биографы Теккерей полагают, что в «Пенденнисе» автор изобразил самого себя и что вообще этот роман имеет такой же автобиографический характер, как «Дэвид Копперфилд» Диккенса. Насколько такое предположение верно, трудно судить при недостатке прямых данных о жизни Теккерей.

«История Пенденниса» была полностью допечатана в 1850 году. Это единственный роман Теккерей, который, подобно романам других английских писателей, *заканчивается* браком героя. Теккерей вообще был того мнения, что послебрачная жизнь человека если не более, то уж, во всяком случае, не менее чем предбрачная жизнь его заслуживает внимания писателей. Впрочем, Теккерей и Пенденниса не бросил окончательно тотчас после женитьбы его. Последующая семейная жизнь Пенденниса рассказана им в другом романе – «Ньюкомы», который начал печататься в 1853 году.

О «Ньюкомах» уже однажды цитированный нами Генней отзывается так: «Если „Ярмарка тщеславия“ – самый блестящий из романов Теккерей, а „История Эсмонда“ – самый прекрасный, то без сомнения „Ньюкомы“ – самый очаровательный из них. Главные характеры в нем, не будучи нисколько менее реальны, чем характеры в других произведениях того же автора, принадлежат, однако, к более высоким типам. Полковник Ньюком – это прекраснейший тип, какой только был создан в английской литературе со времени Вальтера Скотта, а пафос, с которым рассказаны разорение и смерть Ньюкома, ставит Теккерей на одну высоту с величайшими поэтами-юмористами. Ни в каком другом своем романе он не проявил столько комического таланта, как в этом... В „Ньюкомах“ гений Теккерей достигает апогея своего развития...»

Этим романом Теккерей как бы хотел показать, что темных сторон жизни в его произведениях так много не потому, что он не способен был видеть светлые, а потому что светлого в жизни несравненно меньше темного, отсюда и общий тон жизни далеко не светлый. По мнению одного немецкого критика Теккерей, более светлый, более прекрасный тип, чем полковник Ньюком, вряд ли был когда-либо создан каким-нибудь другим писателем. Этот роман вообще поражает замечательным богатством разнообразных и чрезвычайно удачных характеров. Это объясняется просто тем, что Теккерей в нем изобразил главным образом жизнь высших классов, которая была ему прекрасно знакома. Печатание «Ньюкомов»

было окончено в 1854 году. В нашем изложении этот роман следует непосредственно за «Историей Пенденниса» только потому, что по содержанию он является продолжением последнего. На самом же деле третьим по времени романом Теккерея были не «Ньюкомы», а «История Эсмонда», появившаяся в 1852 году.

«История Эсмонда» представляет самое законченное и обработанное произведение Теккерея, совершенно свободное от недостатков, встречаемых в других его произведениях, и в то же время содержит все достоинства их в более высокой степени. Это тем более удивительно, что в данном случае Теккерею пришлось изображать не современную ему жизнь, а отдаленную эпоху королевы Анны. Об «Истории Эсмонда» английский критик Джон Броун говорит так: «В „Эсмонде“ особенно бросается в глаза замечательная верность Теккерея в изображении действительности. Во всех его произведениях диалоги поразительны по своей естественности и выдержанности. Нам кажется, что никто до Теккерея не создал типов, которые говорили бы языком столь удивительно похожим на язык живых людей, как его типы. В „Эсмонде“, несмотря на отдаленность изображенной эпохи, диалоги столь же хороши, как в других произведениях того же автора. Каждое лицо там не только действует согласно той эпохе, но и говорит языком того времени. В этом произведении нет и следа неестественности, неприятно поражающей нас в исторических романах Вальтера Скотта, где герои и героини говорят таким языком, каким, по всей вероятности, люди никогда не говорили. Если же прибавить к этому замечательному реализму нежность чувства и красоту стиля, равных которым нельзя встретить даже у того же автора в других его романах, то станет вполне понятным, почему лучшие критики смотрят на „Историю Эсмонда“ как на самое прекрасное произведение Теккерея...»

«История Эсмонда» – единственный роман Теккерея, вышедший сразу целиком, а не отдельными выпусками. Этому обстоятельству он в значительной степени обязан своей замечательной цельностью и законченностью, отсутствием которых страдают все прочие его романы. «Историю Эсмонда» Теккерей, по его собственному признанию, писал с любовью, с увлечением. Он прекрасно изучил эпоху, которую ему пришлось изобразить в этом романе, и в совершенстве понимал ее. В романе рассказ ведется не от лица автора, а от имени Генриха Эсмонда, и благодаря этому обстоятельству он лишен общего для всех прочих произведений Теккерея недостатка – излишества сатирических и философских отступлений.

Но, несмотря на все достоинства, «Истории Эсмонда» этот роман

меньше читался, чем прежние романы Теккерея. Им восхищалось только избранное меньшинство. Когда Теккерею однажды заметили, что «История Эсмонда» самый лучший из его романов, он с грустной улыбкой ответил: «Я хотел было из него сделать самый лучший роман свой, но это мне не удалось. Никто его не читает, – стало быть, он плох. Ведь в конце концов не тот роман наиболее читается, который есть самый лучший, а тот есть самый лучший, который наиболее читается».

Мы передадим вкратце содержание этого превосходного романа. Исторический фон рассказа таков. На английском престоле – королева Анна, последняя из династии Стюартов. Королева бездетна, а потому после ее смерти престол должен перейти по закону к Ганноверскому принцу. Но при дворе и в армии существует сильная партия, желающая восстановления старой династии и назначения преемником престола родного брата королевы, Карла Стюарта, живущего в изгнании во Франции. Все дворянство разделено на две партии: вигов, или сторонников немецкой династии, и тори, или сторонников дома Стюартов. Герой романа Генрих Эсмонд, равно как и вся фамилия его, принадлежит к партии тори. Рассказ начинается с того момента, когда родственник Генриха вступает во владение замком и титулом лордов Кастельвуд после смерти его отца. Генриху тогда было около десяти лет. Новый лорд замка и особенно молодая жена его чрезвычайно понравились мальчику, и он, со своей стороны, произвел на них очень благоприятное впечатление. Генрих скоро становится полноправным членом семьи лорда. Леди Кастельвуд любит его как своего ребенка, а он обожает ее за бесконечную доброту и замечательную красоту... Несколько лет спустя Генрих поступает в университет, намереваясь посвятить себя духовной профессии... Когда по окончании его молодой человек возвращается обратно в замок Кастельвуда, он не находит уже там того мира и счастья, которые царили при нем. Пустому, легкомысленному лорду скоро надоела его жена, которая во всех отношениях превосходила его. Он теперь по целым дням и ночам пьянствует и играет в карты... Наконец, из-за ревности к какому-то аристократу, гостившему у него в замке, он вызывает его на дуэль, которая кончается смертью лорда. Перед смертью лорд открывает Генриху Эсмонду, что по закону он, Генрих, должен был быть лордом Кастельвудом, потому что он на самом деле законный сын покойного лорда, как это доказывают имеющиеся у него документы. Но благородный Генрих не желает воспользоваться этим открытием; он не желает нанести удар тем, кто его любит и кто ему так дорог, и бросает в огонь все доказывающие его права документы. За участие в дуэли суд приговаривает Генриха к

тюремному заключению на один год. Овдовевшая леди Кастельвуд посещает его однажды в тюрьме, но вместо любви и утешения, которых ожидал от нее Генрих, она осыпает его резкими упреками за дуэль и объявляет, что после рокового события она считает это свидание с ним последним... По выходе из тюрьмы Генрих, не имея уже возможности продолжать духовную карьеру, вступает в армию. Он принимает участие в кампании против Людовика XIV и по окончании похода в чине капитана возвращается на родину. По приезде в Англию благородный капитан не может удержаться, чтобы не отправиться туда, где живет дорогая ему семья. Генрих является туда в то время, когда все находятся в церкви. Он тоже входит в церковь и садится так, чтобы его не заметили. Однако молодой лорд Кастельвуд видит его и шепчет об этом матери. Но та, еще не увидев его и не услышав о нем, чувствует, что он здесь, недалеко от нее... Свидание леди Кастельвуд с Генрихом Эсмондом описано автором великолепно. Речь леди Кастельвуд, которой она приветствует возвратившегося Генриха, так прелестна; бесконечная нежность так чудно сплетена в ней с бесконечной грустью, что трудно, нам кажется, передать ее на другом языке, не рискуя испортить ее... Вообще Эсмонд и леди Кастельвуд принадлежат к самым лучшим типам, созданным Теккереем. Первый – благородный человек в полном смысле этого слова. Вторая обладает всеми достоинствами женщины и всеми недостатками ее и представляет в высшей степени живое и прекрасное лицо... Из церкви Генрих под руку с леди и вместе с сыном ее отправляется домой. Там их встречает дочь леди, Беатриса, или Трикс, как ее зовут в семье... Генрих оставил ее девочкой, а теперь она уже взрослая девушка и такой необыкновенно чарующей красоты, что Эсмонд не может удержаться от громкого выражения своего удивления и восторга. Но Беатриса – страшная кокетка; она бесконечно честолюбива и готова пожертвовать всем для осуществления своей мечты – сделаться герцогиней или графиней и царить в высшем свете... Эсмонд влюбляется в нее, но понимает, что Беатриса для него будет недоступна до тех пор, пока он будет занимать скромное общественное положение; поэтому Эсмонд снова отправляется в армию. В новом походе он снова отличается и возвращается в Англию уже в чине полковника... Он любит Беатрису еще сильнее прежнего, но она остается холодной к нему и даже однажды заявляет, что он ей надоел своими вздохами и своим томным взглядом, но она бы его полюбила, если бы он был смел и самоуверен... Беатриса теперь фрейлина при дворе. Она уже была обручена с одним лордом, но затем сама отказала ему. В нее влюбляется старый герцог Гамильтон; фрейлина уже видит приближение

своего торжества, осуществление своей мечты, но неожиданная смерть герцога на дуэли расстраивает все ее планы... Между тем ввиду близости кончины королевы Анны борьба партий разгорается. Вопрос о наследнике престола должен скоро решиться... Генрих Эсмонд, сторонник Стюартов, решается на смелое предприятие. Он тайно отправляется во Францию и привозит оттуда в Лондон инкогнито принца Карла, брата королевы. Его скрывают в доме леди Кастельвуд. Здесь легкомысленный принц начинает интересоваться Беатрисой больше, чем вопросом о престоле. Беатриса, видя впечатление, которое она произвела на принца, начинает мечтать о том, чтобы сделаться если не женой будущего короля, то, по крайней мере, его любовницей. Эсмонд и леди во избежание позора заставляют Беатрису уехать в замок Кастельвуд. Между тем развязка приближается. Наступает наконец день, когда заговор должен быть приведен в исполнение. Но в решительную минуту оказывается, что принц исчез куда-то. Эсмонд догадывается, где он, и вместе с молодым лордом летит в замок Кастельвуд, не с тем уже, чтобы спасти корону принцу, а чтобы спасти семью свою от позора. Они действительно находят принца там, но убеждаются в том, что между ним и Беатрисой пока еще ничего не произошло... Происходит свидание с принцем, и Эсмонд в мужественной и благородной речи выставляет ему на вид всю недостойность его поведения и объявляет, что уже больше не беспокоится о том, кто будет королем Англии. Принц сначала сердится, но потом сознает свою вину. Происходит примирение между принцем, Эсмондом и молодым лордом Кастельвуд. Они возвращаются в Лондон, но слишком поздно: там уже провозглашен наследником престола принц Ганноверский... После этого неудачного заговора Эсмонду становится неудобным жить дальше в Англии. Он решает переселиться в Америку, в Виргинию, где их семья имеет большое поместье. Но он уезжает туда не один: с ним едет и леди Кастельвуд, согласившаяся стать его женой... Тон всего рассказа необыкновенно грустный, но грусть эта возвышенная, высокочеловеческая, облагораживающая. По прочтении «Истории Эсмонда» вы некоторое время остаетесь под впечатлением этой нежной грусти, но все-таки благодарны автору за эту на время очищающую вас грусть...

Если только что описанный нами роман обладает всеми достоинствами произведений Теккерея и в то же время свободен от всех недостатков их, то следующий роман того же автора, «Виргинцы», начавший выходить опять отдельными выпусками в 1857 году, к сожалению, оказывается далеко не на уровне первого. Он чрезвычайно необработан и незакончен, слишком растянут и содержит больше

сатирических отступлений, чем все предшествующие романы того же автора. Каждое место в нем, взятое в отдельности, прекрасно; характеры превосходны, а, в общем, роман представляет нечто бесформенное. «Виргинцы» составляют продолжение «Истории Эсмонда». В этом романе рассказывается история двух внуков Генриха Эсмонда, родившихся в Виргинии. Эпоха королей Георгов представлена здесь очень верно; все лица говорят языком того времени, как в «Эсмонде». Самое замечательное лицо в «Виргинцах» – это баронесса Бернштейн, урожденная Беатриса Кастельвуд, которую мы встретили в «Истории Эсмонда». После неудачи с принцем Беатриса в отчаянии вышла замуж за простого священника, учителя своего брата. Впоследствии ей удалось выхлопотать для своего мужа звание епископа. В «Виргинцах» она уже является баронессой Бернштейн и вдовой. Теккерею в этом образе удалось то, что редко удавалось другим писателям, а именно: изобразить баронессу Бернштейн так, чтобы всякий легко узнал в ней прежнюю Беатрису Кастельвуд.

Глава VII. Теккерей – лектор и редактор

После удара, разбившего его семейное счастье, Теккерей стал опять вести жизнь холостяка. Он не любил уже сидеть дома в то время, когда не был занят работой. Одинокой квартире своей он предпочитал салоны богатых и знатных, где знаменитый романист всегда бывал желанным и почетным гостем, а еще более – клубы, где он мог встречаться и беседовать с приятелями. Теккерей любил жить хорошо, не отказывая себе ни в чем; любил окружать себя произведениями искусства и предметами роскоши. Когда он проходил по улице, то редко удерживался, чтобы не купить какую-нибудь изящную безделушку, которая ему понравилась в окне магазина. «Я никогда, – рассказывает он сам, – не гуляю на улице без того, чтобы не заметить какой-нибудь хорошенькой, хотя и бесполезной вещицы, которой мне не хотелось бы купить. Иногда мне приходится проходить мимо одного и того же магазина каждый день в продолжение нескольких месяцев, и я долго противлюсь искушению, думая, что устою; наконец наступает день слабости, и я уступаю...» При таких привычках Теккерей неудивительно, что у него уходили все деньги, которые он зарабатывал. Когда его доходы после появления «Ярмарки тщеславия» значительно возросли, он стал жить гораздо роскошнее прежнего. Таким образом, даже в этот блестящий период его жизни ему все-таки не удавалось откладывать что-нибудь на черный день от своих литературных заработков.

А между тем страх за будущее детей не переставал тяготить его. Ввиду этого он решил по совету друзей выступить в роли публичного лектора, надеясь таким путем заработать достаточно денег для обеспечения будущности своих дочерей. Он не мог сомневаться в успехе своих чтений, так как был тогда в апогее своей славы, и, кроме того, подобные же лекции Диккенса прекрасно оплачивались.

Первую серию своих лекций – «Об английских сатириках и юмористах XVIII века» – Теккерей начал в Лондоне в мае 1851 года. На первую его лекцию собрался весь цвет лондонского общества. Слушателями его были среди прочих Маколей и Карлейль. Большой зал, в котором он читал, бывал всегда переполнен, несмотря на высокую плату за вход. Успех первой серии его лекций превзошел все ожидания. А между тем Теккерей далеко не отличался ораторским искусством. Он не был таким артистом на трибуне, как Диккенс, и читал не наизусть, как последний, а по рукописи, причем имел не особенно сильный голос.

Зато его лекции сами по себе были великолепны. Великие английские юмористы-сатирики прежнего века, которых уж стали забывать, опять воскресли пред слушателями. Теккерей всегда глубоко интересовала английская литература XVIII века. Он изучил ее основательно, и его оценка и характеристика ее главнейших представителей, за немногими исключениями, сделана в его лекциях чрезвычайно верно. Кроме того, и форма их была прелестна. «Стиль этих лекций, – говорит один немецкий критик Теккерей, – блестящий, живой, всегда очаровательный и, однако, такой же простой и неизысканный, как в его эпических произведениях. Читая в настоящее время эти лекции, легко себе представить, какое громадное впечатление они должны были производить, когда их слушали. Уже по одному стилю можно судить о большом достоинстве их содержания, так как такой энергичный, увлекательный стиль достигается только при полном и всестороннем знании и понимании предмета. Кроме того, это такие живые и верные портреты юмористов XVIII века, какие мы вряд ли найдем в какой-нибудь истории литературы, не исключая и Тэна. Только в этюдах Маколея можно найти нечто подобное...»

После Лондона лекции «О сатириках и юмористах» были прочитаны Теккереем в некоторых крупных провинциальных городах Англии, а в 1852 году он получил приглашение прочесть этот же цикл лекций и в Соединенных Штатах. Американцы сначала выразили недоверие своему будущему гостю. У них была еще свежа в памяти неблагодарность Диккенса, который, несмотря на прекрасный прием, оказанный ему американцами, по возвращении в Англию жестоко осмеял их в своих «Заметках об Америке». Но когда они увидели открытое, добродушное лицо Теккерей, его почтенную фигуру на трибуне и особенно когда услышали от него обещание никогда не писать ничего об Америке, недоверие их сразу исчезло, и они стали так же восторженно принимать и угощать его, как раньше Диккенса. Успех его лекций в Америке был еще более блестящ, чем в Англии. После первых чтений Теккерей в Нью-Йорке тамошние издатели заявили, что спрос на сочинения Свифта, Аддисона и других писателей прошлого века сразу достиг невероятных размеров. Все американские газеты были заняты лекциями Теккерей, все отзывались о них с восторгом, все печатали биографические очерки лектора, а многие помещали даже нелепейшие анекдоты будто бы из частной жизни знаменитого писателя. Успех этих лекций в Америке тем более удивителен, что они не заключали в себе ничего сенсационного, бьющего на эффект, как это любят граждане заатлантической республики, а речь лектора была уж слишком проста для его слушателей...

Теккерей вернулся в Англию в 1853 году. Материальный успех первой серии лекций его был так значителен, что он решил еще раз выступить перед публикой. Темой для новых чтений он избрал характеристики «Четырех Георгов»^[6]. Успех второй серии лекций в Америке, где он раньше прочел их, был колоссальный. Но в Англии они были встречены некоторой частью общества не сочувственно. По мнению высокопоставленных сограждан своих, Теккерей с недостаточным почтением отзывался в своих лекциях о предках царствовавшей королевы. Однако в материальном отношении и лекции о Георгах были очень успешны.

После этих двух серий лекций Теккерей уже мог быть совершенно спокойным за будущее своих детей. Он теперь стал очень богатым и начал строить себе в лучшей части Лондона роскошный дом, где потом и прожил последние годы своей жизни.

В 1857 году Теккерей по совету своих друзей выставил свою кандидатуру в Оксфорде на частных парламентских выборах.

Перед избирателями он объявил себя сторонником либеральной партии, стоявшей тогда в оппозиции к консервативному правительству. Но попытка Теккерей стать законодателем окончилась так же неудачно, как его прежние попытки стать чиновником. Из 2087 избирателей, принимавших участие в голосовании, за него проголосовали только 1017. Счастливым соперник его, несмотря на поддержку правительства, получил, однако, только на 53 голоса больше. Теккерей мог, стало быть, утешать себя тем, что за те 10 000 рублей, которых ему стоили выборы, он хотя и был побит, но, во всяком случае, не позорно. «Таким образом, – говорит друг Теккерей Троллоп, – счастливый случай опять спас его от дела, на которое он не был способен и в котором, по всей вероятности, не играл бы блестящей роли». Но если в области политики Теккерей потерпел неудачу, то успех его последнего крупного литературного предприятия превзошел самые смелые ожидания. В 1859 году он предпринял издание нового ежемесячного журнала под названием «The Cornhill Magazine». О новом журнале заговорили задолго до его появления, так как стало известно, что редактором его будет Теккерей. Все были уверены, что журнал будет хорош и должен иметь большой успех. Первый номер «The Cornhill Magazine» вышел в январе 1860 года и был распродан в количестве 110 000 экземпляров. Следующие номера продавались, конечно, в меньшем количестве, но, во всяком случае, успех издания был огромный. В журнале принимали участие почти все первоклассные английские писатели. В первом номере Теккерей начал новый большой роман под названием «Ловель-вдовец», а также прелестную хронику под названием «Вокруг да

около» («Round about Papers»). Здесь же был напечатан и последний оконченный роман его «Похождения Филиппа», в котором, по словам знавших автора, есть много автобиографического. В этом же журнале были напечатаны в первый раз и его лекции. Теккерей имел удовольствие в собственном журнале увидеть первое талантливое произведение своей старшей дочери.

В материальном отношении это издание было очень выгодно для Теккерей. Однако знаменитый романист уже очень скоро стал жаловаться на массу неприятностей, встречавшихся ему на редакторском пути. Он не годился в редакторы – прежде всего потому, что не был способен к правильному и усидчивому труду и был слишком ленив для того, чтобы прочитывать ежедневно по несколько десятков рукописей, которые ему присылали. С другой стороны, он и потому не мог быть редактором, что не обладал достаточной твердостью, пожалуй даже жесткостью, характера, чтобы отказывать многочисленным претендентам на звание литератора, которые заваливали его своими письмами и жалобами. В особенности он не мог устоять пред просьбами женщин. Когда какая-нибудь бедная девушка умоляла его принять ее статьи, заявляя, что в противном случае ей с ее старухой матерью придется умирать с голоду, он обыкновенно немедленно посылал ей деньги за ее рукописи, если даже эту рукопись впоследствии приходилось уничтожить за негодностью. Как и следовало ожидать, добротой и мягкостью редактора очень скоро стали просто злоупотреблять. Тогда Теккерей решил не распечатывать больше сам никаких писем. Он поручил своим дочерям прочитывать предварительно все приходившие на его имя письма и обращать его внимание только на те из них, которые этого стоили. Но все эти неприятности заставили-таки Теккерей отказаться от обязанностей редактора. Журнал выходил под его редакцией до апреля 1862 года, то есть в продолжение двух лет четырех месяцев. Однако сотрудничать в нем он продолжал до самой своей смерти.

В 1862 году Теккерей переселился в только что выстроенный для него роскошный дом в окрестностях Кенсингтонского парка, но уже недолго пришлось ему прожить в своем новом доме... Имея за плечами едва 51 год, знаменитый романист выглядел стариком. Волосы его были совсем седые; энергия ослаблена; он смотрел на все глазами старика и о себе самом всегда выражался как о старике. Только в его внушительной и мужественной фигуре да величественной и выразительной внешности можно было узнать прежнего Теккерей.

Глава VIII. Характеристика Теккерея как писателя

Мы проследили выше всю литературную карьеру Теккерея, теперь нам остается подвести ее итог.

Теккерея как писателя чрезвычайно удачно охарактеризовал один выдающийся французский критик. «Автор „Ярмарки тщеславия“, – говорит он, – сатирик, моралист и юморист; ему недоставало быть только художником, для того чтобы он был вполне великим. Я говорю „вполне великим“ потому, что если можно сомневаться, чтобы его как юмориста можно было сравнивать с Ламбом или Стерном, то нет никакого сомнения, что как сатирик он не уступает ни Драйдену, ни Свифту, ни Попу. Но то, что его отличает от этих сатириков, то, что его ставит выше их и делает из него гения в высшей степени оригинального, – это его гнев, который... является по своей сущности не чем иным, как реакцией нежной души, пришедшей в ярость от жестокого разочарования...»

Преимущественно сатирика видят в Теккерее и английские критики. «Нет никакого сомнения, – говорит один из них, – что Теккерей был главным образом сатириком. Мы составим себе очень неправильное понятие о его таланте, если будем смотреть на него исключительно или даже преимущественно как на романиста. Теккерей не обладал даром рассказчика. Он писал романы, в которых его типы играли свои разнообразные роли только потому, что на такого рода произведения в настоящее время существует большой спрос, и потому, что за такие вещи теперь хорошо платят. Но мы подозреваем, что писание романов нередко должно было надоедать Теккерею и даже сильно затруднять его. Все романы его чрезвычайно бедны интригой. Они, в сущности, не кончаются, а прерываются: не видно никакого основания, почему им не продолжаться далее или почему они не закончились раньше».

Если смотреть на Теккерея главным образом как на сатирика, то становятся совершенно понятными все художественные недостатки его произведений, которые так возмущают критиков, рассматривающих его большей частью или даже исключительно как романиста. По мнению этих критиков, его романы слишком субъективны, его личность слишком часто выступает наружу в рассказе. Это замечание совершенно верное; сатирические и морально-философские отступления, а иногда даже

лирические излияния встречаются в рассказах Теккерея на каждом шагу. Автор поучает, читает нотации при всяком более или менее удобном случае. Когда читаешь романы Теккерея, воображаешь себе старика дедушку, рассказывающего сказку своим маленьким внукам; во время рассказа дедушка часто останавливается, комментирует рассказанное и выводит соответствующее нравоучение в назидание своим легкомысленным слушателям. Но особенно нападать на Теккерея за эти недостатки его произведений вряд ли имеет смысл. Целью его была ведь главным образом сатира, а на роман он смотрел только как на наиболее удобную форму для ее выражения. Предметом его сатиры были не современные ему английские общественные учреждения, но типы людей, обычаи и нравственные понятия, явившиеся результатом продолжительного существования этих учреждений. А для изображения различных общественных типов роман есть несомненно самая лучшая форма и в то же время самая популярная. Как же справляется Теккерей с задачей изображения современного ему общества в главнейших его типах?

Вот что отвечает на этот вопрос английский критик Джон Броун:

«Теккерей берет свои типы преимущественно из высших и средних классов общества. По разнообразию, правдивости и выдержанности эти типы бесподобны. Они – не карикатуры, не продукты воображения, а живые люди, каких мы встречаем ежедневно. Это в полном смысле слова образы, и в то же время они представлены так тонко и объемно, что мы никогда не можем ошибиться в них или смешать их друг с другом... Характеры героев его романов выдержаны до конца. Они производят такое впечатление, как будто действуют сами по себе, без вмешательства автора. Кажется, будто автор, однажды создав своих героев, предоставил их потом вполне самим себе. Теккерей сам заметил это и говорит об этом в одном месте так: „Я был поражен теми замечаниями, которые делали некоторые из моих героев. Казалось, будто какая-то тайная сила двигала моим пером. Лицо делает или говорит что-нибудь, и я спрашиваю, как оно дошло до этого...“ Это, конечно, искусство, и к тому же высшая степень искусства: это искусство Шекспира. Потому-то романы Теккерея так и интересны, несмотря на недостаток в них интриги, цельности и полной объективности. Его лица часто являются без видимой цели и исчезают без достаточной причины, но мы им все-таки всегда рады...»

Теккерея упрекают в том, что он в романах своих изображает преимущественно темные стороны жизни. Если это – недостаток, то, нам кажется, он объясняется той же общей причиной, как и другие недостатки его произведений. Его романы, прежде всего, – сатира, а требовать от

сатиры преобладания светлых картин над темными – значит отнимать у нее всякий *raison d'être*. Но если даже не смотреть на романы Теккерея как на сатиру, то, нам кажется, упрек, который ставят ему за то, что он будто предпочитал изображение темного в жизни картинам светлого, все-таки не имеет достаточного основания. Разве портреты, нарисованные Теккереем, не соответствуют оригиналам? Разве его картины жизни не соответствуют действительности? Напротив! «Великая заслуга Теккерея, – говорит один талантливый английский критик, – состоит в том, что он изобразил современное ему английское общество необыкновенно живо, удивительно тонко и замечательно беспристрастно». А если в современном ему английском обществе, вернее в средних и высших классах его, отрицательные типы преобладали над светлыми, то можно ли винить Теккерея за то, что и в его романах первых больше, чем вторых?

Теккерея обвиняют еще и в том, что он в своих сочинениях является циником. «Те, которые говорят так, – замечает биограф его Антони Троллоп, – имеют, конечно, в виду только Теккерея-писателя. Как писатель же он взял на себя обязанность громить пороки и глупости своих современников и выставлять их во всей их безобразной наготе. А ведь всякого сатирика можно до известной степени называть циником, имея в виду, конечно, только его произведения. Свифт, например, несомненно был циником; Поп бывал циником во всех тех случаях, когда он выступал в роли сатирика; Ювенал был всегда циником, потому что он был всегда сатириком. Если так понимать слово „циник“, тогда Теккерей несомненно был циником. Но это не все, что входит в понятие „циник“. Словом „циник“ обыкновенно хотят определить не только характер произведений какого-нибудь писателя, но и его собственный характер. Если писателя называют циником, то этим хотят сказать, что он пишет сатиры не столько потому, что в окружающей его жизни есть много темного, сколько потому, что его собственная душа темна. Но если понимать слово „циник“ в таком смысле, тогда оно столь же мало соответствует Теккерею-писателю, как и Теккерею-человеку».

Ирония Теккерея беспощадна. Он не просто осмеивает – он уничтожает своей сатирой. «Теккерей, – говорит немецкий историк английской литературы Карл Блейбрау, – в своих сатирах вообще беспощаден. Но его ирония бывает наиболее жестока именно тогда, когда он принимается кого-нибудь хвалить или защищать». Против кого же он, главным образом, направляет свои ядовитые сатиры, в кого метит он стрелы своей жестокой иронии? Прежде всего, против так называемых снобов, которые, по его мнению, составляют продукт разделения общества

на сословия и классы. «Табель о рангах и достоинствах, – говорит он в своих „Записках о снобах“, – это ложь и должна быть брошена в огонь. Организовывать классы и привилегии! Да ведь это имело смысл только для церемониймейстеров старого времени! Настоящее время нуждается в церемониймейстере, который бы организовал *равенство* в обществе».

«Но если, – говорит известный французский историк английской литературы Ипполит Тэн, – Теккерей ненавидит аристократию, то это не столько потому, что она, по его мнению, угнетает человека, сколько потому, что она его портит. Уродуя общественную жизнь, она уродует и частную: устанавливая несправедливости, она вместе с тем устанавливает и пороки; после того как она захватила государство, она начинает отравлять и душу. Теккерей находит следы ее влияния в развращенности и нелепости всех классов и всех чувств... потому что неравенство, испортив высших, которым оно кружит головы, начинает портить и низших, которых оно унижает, и зрелище зависти и низости в последних столь же отвратительно, как зрелище наглости и насилия в первых...»

«Теккерей, – говорит уже не раз упомянутый нами английский критик Джеймс Генней, – изобличает в своих произведениях эгоизм, низость и холопство нашего века; но он с той же правдивостью выставил и такие благородные натуры, как полковник Ньюком, Этель Ньюком и Генрих Эсмонд. Суровый по отношению к современному ему обществу, он, однако, глубоко верил в человеческую натуру, и в великой душе его находило отклик все, что было возвышенного в истории, в искусстве или в современной ему жизни». «Теккерей строго осуждал современных ему людей, – говорит другой английский критик, – потому что он имел высокий идеал того, чем они могут быть. Писатель не был бы в состоянии нарисовать „Ярмарку тщеславия“, как он это сделал, если бы Эдем не сиял ярко перед его глазами».

Таким образом, если Теккерей жестоко нападал на аристократию и вообще на деление общества на классы, то это было не следствием его озлобленности, как полагают некоторые критики, а происходило от оскорбленного чувства справедливости и во имя равенства; если сатирик беспощадно громил своих современников, то это было не следствием его мизантропии, а того, что он глубоко верил в людей и потому много требовал от них; если произведения его изобилуют мрачными картинками, если тон всех его сочинений грустен, то это не оттого, что он был пессимистом, а оттого, что современная ему действительность была слишком несогласована с его идеалами. И в самом деле, может ли пессимист говорить, например, о любви так, как Теккерей говорит в

«Истории Эсмонда»:

«Поистине, любовь vincit omnia (побеждает все); она бесконечно выше честолюбия, гораздо драгоценнее богатства, несравненно возвышеннее знатного имени. Тот не знает жизни, кто не знает любви; тот не испытал высочайшего блаженства, которое только доступно Душе, кто не испытал любви». Или в другом месте: «Что такое честолюбие в сравнении с любовью, как не простое тщеславие? Быть богатым или знаменитым! Какой толк вам будет от этого через какой-нибудь год, когда другие имена будут греметь больше вашего и когда вы сами будете зарыты глубоко в земле вместе с вашими титулами, вырезанными на вашем гробу? Только любовь переживает нас; она свято чтит нашу память, когда нас уж больше нет. Non omnis moriar (не весь я умру), если, умирая, я продолжаю жить в нежной душе того, кто меня любит... Любовь бессмертна, потому что, если мы продолжаем любить тех, которых потеряли, то можем ли совершенно потерять тех, которых мы любим?»

Все это очень мало похоже на пессимизм. Так же мало похожи на мизантропию следующие слова Теккерей: «Мир обыкновенно обращается добродушно с добродушными людьми, и я никогда не встречал сердитого, ссорившегося с ним мизантропа, относительно которого нельзя было бы сказать, что в этой ссоре виноват он сам, а не мир». Или в другом месте: «Мы можем быть заранее почти уверены в том, что личности, с которыми все обращаются скверно, вполне заслуживают подобного обращения. Мир – это зеркало, которое дает каждому человеку отражение его собственного лица. Хмурьтесь на него, – и он, в свою очередь, будет угрюмо смотреть на вас; смейтесь над ним и с ним, – и он будет для вас веселым и добрым товарищем...»

О пародиях Теккерей его биограф Антони Троллоп говорит следующее: «Ни один писатель не любил так писать пародии, как Теккерей, а между тем этот род литературной шутки есть самый опасный. Пародия часто портит впечатление, полученное от прекрасного произведения, если она грубо воспроизводит одно внешнее подобие его. Но должно признать, однако, что Теккерей при всей своей любви к этому роду литературных произведений принес очень мало или даже вовсе не принес вреда своими пародиями. Все его пародии полны шуток, но написаны так, что не портят красоты оригинала и не оскорбляют его автора».

Тот же писатель отзываясь о стихотворениях Теккерей так:

«Я не могу сказать, что Теккерей займет когда-нибудь высокое место среди английских поэтов. Он бы первый осмеял подобное предположение, сделанное на его счет. Но мне кажется, что его стихи впоследствии будут

более популярны, чем стихи многих известных современных поэтов, и что они с течением времени скорее выиграют, чем потеряют во мнении публики».

Язык всех произведений Теккерея бесподобен по своей простоте и ясности. Вы никогда не встретите у него такого места, над которым необходимо было бы остановиться для того, чтобы понять его, или смысл которого допускал бы больше чем одно толкование. Он писал обыкновенно медленно, обдумывая каждое слово, и ему чрезвычайно редко приходилось исправлять или переписывать написанное. У него был мелкий, но вполне отчетливый и даже красивый почерк. Он писал всегда с сигарой в зубах. Некоторые свои сочинения он диктовал. Когда Теккерей выходил из дому, он часто брал с собой в карман рукопись и, если на пути ему приходила в голову какая-нибудь новая мысль, – немедленно записывал ее. Он вообще очень дорожил своими идеями и типами и никогда не бросал их до тех пор, пока не извлекал из них всего что мог. Если это не удавалось ему в одном сочинении, он переносил их в другое. В его ранних мелких произведениях можно найти зародыши всех тех типов, которые были потом развиты им в его крупных сочинениях.

Всякого рода чванство глубоко возмущало Теккерея, в том числе и чванство его собственных собратьев по профессии. «Зачем эти громкие фразы, – говорит он устами одного своего героя, – о великих побуждениях? Нам не следует быть слишком высокомерными и воображать себя мучениками или апостолами правды. Мы не более как ремесленники, работающие для хлеба, а не во имя одной справедливости. Будем стараться работать честно, но перестанем говорить высокопарно о нашем „высоком призвании“». Этому мнению своему о профессии литератора, высказанному им в одном из первых произведений, Теккерей оставался верен в течение всей своей жизни. Он всегда смотрел на литературное дело просто и выражался о нем чрезвычайно скромно. Но зато относился к этому делу честно и никогда не писал ничего такого, во что не верил или чего не чувствовал. Стихотворение Теккерея «The faithful old gold Pen» («Верное старое золотое перо»), в котором он заставляет перо свое рассказывать, на что употреблял его хозяин, кончается следующим двустишием, которое может служить прекрасным эпиграфом к его сочинениям:

Я никогда, читатель, не писал слов льстивых
И ни одной не подписал страницы лживой...

Скромное мнение Теккерея о своей деятельности, однако, не делало его индифферентным к тому, как о ней высказывались другие. Напротив, его всегда сильно раздражали те нападки на его сочинения, которые он считал несправедливыми. Он никогда не скрывал своего отношения к этим нападкам и по возможности всегда отвечал на них. С газетой «Times» у него было несколько крупных столкновений. Эта газета в течение всей жизни Теккерея не переставала нападать на него, и она же одна из всех английских газет не напечатала специальной передовой статьи по поводу его смерти. Однако и ей порядочно доставалось от него за ее нападки. Так, одна резкая и крайне несправедливая газетная статья против Теккерея, напечатанная в 1858 году, вызвала временное охлаждение между ним и его великим соперником Диккенсом, с которым он до того был в самых дружеских отношениях. Дело в том, что автор этой статьи был другом Диккенса и состоял членом в том же клубе, что и Теккерей. Когда последний после появления в печати оскорбительной и несправедливой статьи против него потребовал, чтобы автор ее был исключен из клуба за его недостойный поступок по отношению к товарищу, Диккенс, член того же клуба, один высказался против исключения и вообще отнесся к поступку своего друга недостаточно беспристрастно. Это сильно возмутило Теккерея. Он написал Диккенсу резкое письмо, после которого отношения их довольно долго оставались холодными. Только за несколько дней до своей смерти Теккерей опять помирился с Диккенсом. Это примирение между двумя великими писателями произошло в коридоре одного клуба, где они оба нечаянно встретились и по внезапному импульсу одновременно протянули друг другу руки.

Теккерей, как мы уже заметили, был слишком оригинален для того, чтобы он мог очень скоро стать популярным. Его сочинения были доступны сначала только избранному меньшинству читателей, да и это меньшинство не сразу оценило его по достоинству. Только маленькие статейки его, которые печатались в еженедельном сатирическом журнале «Панч», своей легкостью и необыкновенным остроумием сразу понравились всем и завоевали ему массу поклонников во всей Англии. Эдинбургские поклонники этих статей даже выразили свою признательность автору их в форме подарка, который представлял собой серебряную статуэтку, изображавшую мистера Панча, то есть фигуру, нарисованную на заглавной странице журнала «Панч». Для того чтобы купить этот подарок, восемьдесят почитателей Теккерея сложились по полкрене. На основании статуэтки была вырезана следующая надпись:

Gulielmo Makepeace Thackeray
Arma Virumgue
Grati Necnon Gratae Edinenses
LXXX
D. D. D.

В настоящее время сочинения Теккеря пользуются огромной популярностью в Англии и уже переведены на все европейские языки. Еще до смерти его было собрано все, что он когда-либо написал, а в 1869 году окончено первое издание полного собрания его сочинений в 24-х томах. В 1878 году вышло необыкновенно роскошное издание его сочинений в 26-ти томах. Хотя цена одного экземпляра этого издания была огромной (около 250 рублей), однако все оно разошлось очень быстро. С тех пор вышло несколько других изданий, и в настоящее время почитатели Теккеря могут купить его «Ярмарку тщеславия» в хорошем переплете за какие-нибудь 4,25 пенни (около 20 копеек).

Глава IX. Теккерей как человек. Смерть его

Ответить на вопрос, каким был Теккерей как человек, несравненно труднее, чем ответить на вопрос, каким он был как писатель. «Я уже восемнадцать лет знаком с Теккереем, – заметил однажды один из его приятелей, – и до сих пор не уверен в том, что знаю его».

Натура Теккерей была слишком сложной для того, чтобы ее можно было легко разгадать. Этому также мешало в значительной степени то, что он был всегда крайне сдержан во всем, касавшемся его внутренней жизни. Он не любил допускать других в святую святых души своей и, как мы уже выше упоминали, даже запретил своим дочерям после его смерти познакомить свет с тем, что за человек был их отец. Потому-то большинство и относилось к нему несправедливо при жизни и только очень немногие понимали его. Опубликованные немедленно после смерти Теккерей воспоминания этих немногих знавших его и представляют единственный источник, на основании которого возможно составить себе более или менее точное понятие о его личности. Двойственность, замечаемая в сочинениях Теккерей, – ядовитая сатира рядом с необыкновенной нежностью и светлые, прекрасные типы на грустном, безотрадном фоне жизни – эта двойственность была в самом характере его. «Для того чтобы понять его характер, – говорит Троллоп, – нужно всегда помнить, что в его груди меланхолия постоянно боролась с игривостью и идеализм с насмешкой».

Направление его ума было по преимуществу аналитическое. Даже в те моменты, когда знаменитый писатель бывал тронут или восторгался чем-нибудь великим, возвышенным, он не переставал замечать смешное, от которого не свободно ни великое, ни возвышенное. Теккерей всегда шутил и в то же время был всегда серьезен. Даже тогда, когда он бывал весел, легкое облачко замечалось на его челе и грустная нотка слышалась в его громком смехе. Те, которые знали Теккерей, приписывают эту меланхолию крайней впечатлительности его характера. Все грубое и жестокое болезненно раздражало его. Всякая глупость или низость в окружавших глубоко удручали его. Этой же крайней впечатлительностью можно объяснить и его болезненную чувствительность. Его иногда заставляли плачущим над какой-нибудь книгой. Он никогда не был в состоянии

прочесть до конца «Ламермурскую невесту» Вальтера Скотта вследствие трагизма последних глав этого романа. До чего доходила его чувствительность, показывает следующий случай, рассказанный одним из его приятелей. Последний однажды встретил Теккерей на улице и, пораженный его необыкновенно убитым видом, спросил, что с ним случилось. «Я убил его!» – воскликнул тот с отчаянием в голосе. «Кого?» – с ужасом спросил его приятель. «Полковника Ньюкома!» – ответил Теккерей и предложил приятелю послушать только что написанную им последнюю главу романа «Ньюкомы». Когда они вошли в клуб и уселись в уединенном углу, Теккерей в страшном волнении стал читать описание последних минут благородного полковника и когда дошел до того места, где так трогательно рассказана смерть героя романа, то не мог более удерживаться и зарыдал как ребенок.

Семейное несчастье, так рано и неожиданно постигшее Теккерей, было другой причиной его постоянной грусти. Он не любил говорить о своем горе, но по одним редким и случайным намекам его можно было судить о той глубокой и неизлечимой ране, которую смерть любимой жены нанесла его нежной душе. К этим двум причинам меланхолии Теккерей в последние годы его жизни присоединилась еще третья – болезнь. Он страдал какой-то хронической болезнью желудка. Каждые три-четыре недели с ним случались сильные приступы рвоты, которые страшно мучили его... Всех этих причин было вполне достаточно для того, чтобы отравить его жизнь.

Вследствие крайней впечатлительности Теккерей настроение его духа менялось часто и неожиданно. Достаточно было ничтожного обстоятельства, – и он из бесконечно веселого вдруг делался страшно мрачным. Эта частая перемена его настроения, конечно, сказывалась на его отношениях к знакомым и нередко ставила в тупик тех, кто мало его знал. Случалось так, что в течение одного и того же дня он утром весело и дружески беседовал с кем-нибудь и даже пел с ним песни, а вечером, встретив того же знакомого на улице, уже сурово смотрел на него и едва отвечал на его приветствие.

Но печальная сторона существования Теккерей была известна только очень немногим. Для большинства он был тем, кем казался почти всегда, но кем он на самом деле бывал редко, – необыкновенно веселым, игривым и остроумным человеком. Временами он действительно бывал чрезвычайно весел, так весел, что друзьям его приходилось даже удерживать его. Один из приятелей рассказывает об одном таком случае необузданного веселья Теккерей, случившемся с ним в его первый приезд в Нью-Йорк. Когда ему

сообщили, что билеты на все его лекции уже распроданы, он пришел в такой восторг, что стал прыгать и кричать как ребенок, к немалому изумлению своего американского приятеля. А когда они в тот же вечер отправлялись в экипаже в то место, где должна была быть прочитана первая лекция, Теккерей от радости хотел непременно высунуть обе ноги из окна экипажа «в знак уважения к тем, кто купил билеты на его лекции», как он сам выразился. Приятелю с большим трудом удалось удержать его от этого необыкновенного способа выражения уважения.

О его необыкновенной игривости говорит еще такой курьез. Извозчик, привезший его однажды в клуб, потребовал от него лишний шиллинг за проезд. Теккерей отказывался дать лишнее, но так как извозчик не хотел уступить, то он предложил ему решить спор бросанием жребия. Тот согласился, и выигравшим оказался автор «Ярмарки тщеславия». Теккерей рассказал этот случай в клубе и отозвался с большим удивлением о том благородстве, с которым извозчик примирился с потерей шиллинга.

Теккерей не производил благоприятного впечатления на того, кто встречал его впервые; но, познакомившись с ним ближе, всякий начинал любить его. Среди хороших знакомых его звали не иначе как «dear old Thackeray» (дорогой старый Теккерей). Наружность Теккерей один из его друзей описывает так: «Он был очень высокого роста, имел величественную осанку и ходил всегда прямо. Глаза у него были серые, черты лица неподвижные, нос, сломанный еще в детстве в школе, был подобно носу Мильтона „глубокомысленным“ (thoughtful), а ноздри – широкие и полные, как у всех гениальных людей, согласно теории Бельгана. Знаменитый сатирик носил длинные волосы и брил усы и бороду, оставляя только коротенькие бакенбарды. Он смотрел смело и самоуверенно, но нисколько не надменно, причем большею частью бывал один, и тогда некоторая мрачность всегда была заметна на его лице». Другой приятель Теккерей описывает его так: «Глаза его имели мягкое выражение, а его волосы были почти совсем седые. Он одевался в высшей степени просто. Вообще все в его наружности производило такое впечатление, что ему ненавистна была всякая искусственность или претензия. По его лицу и фигуре видно было, что он был далеко не равнодушен к ростбифу, плумпудингу и бордо, которого выпивал ежедневно бутылку за обедом, и вообще любил хорошо поесть и попить... Голос его, – говорит тот же приятель, – звучал мягко и душевно, это был голос джентльмена, принимающего своего друга у себя в доме. Движения его были спокойны, говорил он медленно, взвешивая каждое слово, тихим голосом. Достаточно было пробыть с ним только десять минут, чтобы

убедиться в том, что он был человеком светским в лучшем смысле этого слова, а не желчным сатириком или застенчивым литератором, живущим только своими книгами. Беседа его носила характер замечательной непринужденности и искреннего добродушия. Он сам казался чрезвычайно простым и естественным, часто улыбался и, видимо, любил обращать внимание на комическую сторону всего, хотя едва уловимая грустная нотка все-таки слышалась в его голосе».

Теккерей обращался со всеми чрезвычайно добродушно, в особенности с теми, кто стоял ниже его, хотя терпеть не мог фамильярности. К молодым начинающим литераторам он относился как к товарищам и был совершенно чужд зависти и мелкого самолюбия. *Это* особенно заметно было на его отношениях к своему сопернику Диккенсу. Он всегда отзывался о нем с восторгом и даже однажды в публичной речи добродушно заметил, что дочери его любят гораздо больше рассказы Диккенса, чем отцовские. Когда ему пришлось выступить кандидатом на парламентских выборах в Оксфорде, где его недостаточно знали, он написал Диккенсу, чтобы тот приехал рекомендовать его избирателям. «Меня, – писал он в этом письме к Диккенсу, – вряд ли знают даже двое из здешних жителей, а Вас, вероятно, знают более шести».

Теккерей очень любил общество, но не столько многолюдные собрания, сколько небольшой круг близких знакомых, с которым мог беседовать просто и чувствовать себя непринужденно. Он состоял членом в трех клубах и большую часть свободного времени проводил в них. «Теккерей, – говорит Троллоп, – не был, что называется, блестящим собеседником, и сомнительно, чтобы он когда-нибудь блистал в обществе. Если он бывал желанным гостем на всех торжественных обедах, так это не потому, что он был хорошим рассказчиком или вообще умел занимать общество. Только тогда, когда Теккерей бывал вместе с двумя-тремя хорошими приятелями, он и сам чувствовал себя хорошо, и другие чувствовали себя с ним прекрасно. Но даже в таких случаях он бывал интересен не столько своим разговором о разных современных вопросах, сколько своими комическими выходками и замечаниями. Комизм не оставлял его никогда, даже в те моменты, когда грусть особенно одолевала его. Он любил украшать свою речь цитатами из Горация или собственными стихами, которые в каждом данном случае сочинял экспромтом. Теккерей был большой мастер быстро сочинять стихи. Он мне раз даже прислал чек на пять фунтов и семнадцать шиллингов, написанный стихами».

Великий писатель не любил долгих споров о сухих материях и часто посреди такого разговора вдруг просил у своих собеседников позволения

спеть комическую песню. Он беседовал всегда очень добродушно, а если подшучивал иногда над кем-нибудь из своих приятелей, то в очень мягкой форме. Зато в тех случаях, когда ему приходилось сталкиваться в обществе с какой-нибудь несимпатичной ему личностью, шутки его бывали иногда очень злы. В Бостоне он однажды жестоко уязвил довольно почтенного, но крайне претенциозного писателя, которому пришлось сидеть против Теккерея на одном торжественном обеде. Американский писатель держал себя с чрезвычайной важностью и за обедом все время серьезнейшим образом рассуждал о любви. Теккерею это наконец надоело, и он к ужасу всех и к величайшему смущению своего визави вдруг выпалил так: «Ведь до чего, сударь, должен был дойти свет, когда старые чудовища со сломанными носами, как мы с вами, вдруг стали рассуждать о любви». Особенно нелюбимых людей Теккерей преследовал не только сарказмом, но и карикатурами. Он таким путем выжил из своего клуба одного члена, который был и ему и всем крайне противен. Сатирик рисовал карикатуры на него повсюду, где только мог, на всех клочках чистой бумаги, которые ему попадались в клубе. Он представлял его таким, каким он был, когда сидел спиной к публике, и хотя на карикатурах этих лица совершенно не видно было, однако все сразу узнавали оригинал. Господин, которого преследовал Теккерей, долгое время оставался совершенно равнодушным к этим карикатурам на него, но наконец одна из них, наиболее жестокая и меткая, заставила его выйти из состава клуба, к великому удовольствию Теккерея и других.

О замечательном комизме Теккерея можно судить по следующему курьезному случаю. Когда он был в Бостоне, кому-то пришло в голову пригласить его послушать доклад в одном тамошнем ученом обществе. Он пошел, и его посадили на почетное место рядом с докладчиком. Но реферат оказался чрезвычайно длинным и скучным. Теккерей не вытерпел, встал посреди чтения со своего почетного места и вышел в соседнюю пустую комнату, дверь в которую была отворена. Усевшись там, он стал оттуда мимикой показывать своему приятелю, оставшемуся в зале заседания, чего он стоил за то, что пригласил его на такое скучное собрание. Он повалил воображаемое лицо (приятеля) и стал неистово колотить его; недовольный этим (так как доклад все еще продолжался), он выстрелил в него из воображаемого револьвера; наконец, к величайшему смущению своего приятеля, разыграл мимикой сцену из «Гамлета», когда спящего короля отравляют впусканием яда в уши его.

Теккерей страшно не любил произносить спичей на больших обедах и вообще торжественных речей. Всякий раз, когда ему предстояло

произносить какую-нибудь речь, он в продолжение нескольких дней до этого обыкновенно чувствовал себя очень плохо и страшно волновался. Одна мысль о подобном положении способна была испортить настроение его духа. Да он и не был красноречивым. Когда ему пришлось однажды открывать одно заседание вступительной речью, он вдруг остановился в середине ее, со страшно смущенным видом уставился в противоположную стену, затем опустил обе руки в карманы своих панталон и, не говоря ни слова, сел на свое место, к величайшему изумлению всех присутствовавших. «Я надеюсь, – говорил он, бывало, по поводу своей слабости, – что скоро наступит время, когда речи будут произноситься специально для этого назначенными лакеями. Признаюсь, что я испытываю всегда ужасный страх накануне подобной операции, чувствую себя необыкновенно глупым во время исполнения ее и всегда уверен в том, что буду страдать головной болью и расстройством желудка на другой день после нее».

Теккерей очень любил природу, но предпочитал всегда наслаждаться ею в тиши уединения. Даже тогда, когда ему приходилось гулять со своими детьми, он любил удаляться на время от них и наедине предаваться наслаждению природой. Но как бы ни был великий сатирик тронут величием и красотой, даже тогда, когда слезы подступали к глазам его от восторга, он не мог не замечать смешных сторон, не мог не посмеяться сквозь слезы, не поиронизировать. Он никогда не любил декламаций и громкого выражения восторга.

Теккерей обладал замечательной способностью по одному взгляду на человека угадывать его характер. Один приятель его рассказывает, как он однажды, сидя в театре в Бостоне, куда приехал лишь накануне и где почти никого не знал, определял характеры всех проходивших мимо него лиц и даже рассказывал биографии некоторых из них, причем его предположения, по крайней мере, относительно тех лиц, которые были знакомы его собеседнику, оказывались в значительной степени верными.

То, что всех близких знакомых Теккерей более всего очаровывало и трогало в нем, – это его необыкновенная любовь к детям. Он не мог видеть ребенка без того, чтобы все лицо его тотчас же не засияло умилением и радостью. Когда один из американских приятелей однажды спросил его, где, по его мнению, прежде всего стоит побывать в Лондоне, он без малейшего колебания ответил: «В приюте для бедных детей». Теккерей сам часто посещал этот приют, и, по его собственному признанию, время, которое он проводил там, было самым счастливым в его жизни. Он молча любовался там игрой детей или со слезами на глазах слушал их пение в

церкви приюта. Он так же часто посещал некоторые детские школы Лондона, где училось много детей. Ему доставляло величайшее удовольствие раздавать бедным детям золотые монеты. При такой любви к детям вообще удивительно ли, что его любовь к собственным детям была безгранична и доставляла ему главную отраду в жизни?.. До чего доходила его любовь к детям вообще, показывает следующий характерный случай. Один из его приятелей, подходя однажды к его дому, к величайшему своему удивлению, увидел его шагающим в страшном волнении по тротуару перед домом своего друга скульптора Марочетти, жившего рядом с ним. На вопрос, что с ним случилось, Теккерей, едва удерживаясь от того, чтобы не разрыдаться, сообщил, что как раз в это время умирал ребенок Марочетти, которого тот страшно любил. Он потом весь этот день был в ужасно подавленном состоянии.

Но не одних только детей любил Теккерей. Он любил людей вообще, он был гуманист в полном смысле этого слова. «Сделать кому-нибудь приятное, – говорит о нем Троллоп, – доставляло ему всегда величайшее удовольствие. Никто не помогал так много своим друзьям, когда они попадали в нужду, или своим старым товарищам, как он. И оказывал он помощь свою всегда с самой тонкой деликатностью, которая трогала одинаково и тех, кто получал ее, и тех, кто был лишь сторонним наблюдателем.»

«Теккерей умел открывать, – рассказывает одна его приятельница, – в самых заброшенных трущобах беспомощных актеров или художников, которые в свои счастливые дни не позаботились о том, чтобы отложить что-нибудь на черный день, а потом в старости терпели страшную нужду. Он, бывало, поднимается по бесконечным лестницам в их бедные жилища, добродушно упрекает их за то, что они своим собственным легкомыслием довели себя до нищенства в старости, затем незаметно оставляет где-нибудь среди бумаг на столе банковый билет на 1000 фунтов и поспешно уходит». Когда кто-нибудь возвращал ему старый долг, он обыкновенно немедленно отдавал полученное другому нуждающемуся или же просил того, кто отдавал долг, передать его кому-нибудь другому, кто нуждается. О необыкновенной гуманности и деликатности Теккерей можно судить по следующему случаю, сообщенному одним его приятелем. «Когда я однажды утром, – рассказывает этот приятель, – вошел в спальню Теккерей, то застал его за такого рода делом: он клал золотые монеты в коробочку, которая, очевидно, была от пилюль и на которой была надпись: „Принимать по одной время от времени“. На мой вопрос, к чему он это делает, Теккерей ответил: „Видите ли, между моими знакомыми есть одна

старушка, которая жалуется на болезнь и вообще несчастье, и я сильно подозреваю, что это есть именно тот род лекарства, в котором она нуждается. Доктор Теккерей намерен сам занести ей это лекарство“...»

В последний год жизни Теккерей хроническая болезнь желудка, от которой он раньше сильно страдал, значительно отступила, и припадки стали случаться с ним все реже и реже. Он уже начал было надеяться на то, что болезнь совершенно оставит его. Доктора все-таки советовали ему быть осторожным, соблюдать строгую диету и бросить курение. Но он не слушал их, будучи не в силах отказаться от того образа жизни, к которому привык. Незадолго до своей смерти Теккерей жаловался одному своему приятелю на эту слабость свою, высказывая опасение, что хроническая болезнь его скоро опять возобновится с прежней силой и в конце концов будет причиной его преждевременной смерти. Когда приятель спросил его, посоветовался ли он насчет своей болезни с опытным врачом, он ответил так: «Разумеется, посоветовался, но что пользы в совете, когда не следуешь ему. Доктора советуют мне не пить, а я все-таки пью; советуют не курить, а я продолжаю курение; советуют поменьше есть, а я продолжаю есть по-прежнему; одним словом, я делаю все то, чего они мне советуют не делать, и, стало быть, на что ж я могу рассчитывать?»

Теккерей. Гравюра по фотографии Герберта Уоткинса. Ок. 1863.

За неделю до своей смерти Теккерей показывал приятелям рукопись первых четырех глав нового романа своего («Денис Дюваль») и весело

заявлял, что, когда он напишет еще четыре главы, то подвергнет себя медицинской операции, после которой надеется совершенно выздороветь. За два дня до смерти его видели в клубе чрезвычайно бодрым и веселым. Но на следующее утро, то есть 23 декабря 1863 года, он вдруг почувствовал себя дурно. Старая болезнь вернулась, и новый припадок ее оказался еще сильнее прежних. Больной страшно страдал в течение всего дня, и, когда лакей оставил его в 11 часов вечера, он еще не чувствовал никакого облегчения. Когда в 9 часов утра на следующий день лакей по обыкновению зашел в его спальню, он нашел его лежащим на спине с руками, распростертыми на одеяле. Так как слуга привык видеть своего хозяина в таком положении после каждого припадка болезни, то сначала не обратил никакого внимания на это и, поставив принесенную чашку кофе на столик около постели, вышел. Но когда он через некоторое время опять зашел в спальню и заметил, что кофе остался нетронутым, внезапный ужас овладел им, и он вдруг увидел, что хозяин его был мертв. Около полуночи мать Теккеря, спальня которой находилась над его спальней, слышала, как он поднялся с постели и стал ходить по комнате. Но это обстоятельство не встревожило ее, так как это всегда случалось с ним во время приступов болезни. Полагают, что именно в это время припадок достиг наибольшей силы и вызвал у него прилив крови к мозгу, который и был непосредственной причиной его смерти. Он умер пятидесяти двух лет от роду.

Пэлас Трин, Кенсингтон.

Дом, построенный по проекту самого Теккерея, где он умер в 1862 году.

Похороны Теккерея происходили 30 декабря 1863 года в прекрасный солнечный день. За гробом его шли более двух тысяч человек, между которыми были все выдающиеся представители английской литературы и искусств. Но большинство провожавших его до места последнего успокоения состояло из лиц, знавших его только по его сочинениям, и из детей. Он похоронен на кладбище Кенсал-Грин в Лондоне.

Сразу же после смерти Теккерея было начато изготовление бюста его, который потом был поставлен в Вестминстерском аббатстве. Это прекрасное произведение искусства представляет собой работу скульптора Марочетти, друга покойного писателя.

Источники

1. *A. Trollope*. *W. Thackeray*. – Oxford, 1878—1882.
2. *Th. Taybr*. *W. Thackeray*. *The Story of his life*. London, 1864.
3. *W. Thackeray*. *A collection of letters (1847—1855)*. London, 1887.
4. *Anecdote Biographies of Thackeray and Dickens*. London, 1874.
5. *J. Watt*. *Great Novelists*. London, 1885.
6. *Thackerayana*. London, 1875.
7. *E. Mason*. *Personal Traits of British Authors*. New-York, 1885.
8. *H. Conrad*. *Thackeray. Ein Pessimist als Dichter*. Berlin, 1887.
9. *J. Hannay*. *Studies on Thackeray*. London, 1869.
10. *H. A. Taine*. *Histoire de la litterature Anglaise, tome 4-me*. Paris, 1864.

notes

Примечания

1

Квартал в Сити, в котором до последнего времени находилась описываемая школа. *Прим. авт.*

2

monitor – староста (англ.).

Цензоры нравов в Кембриджском и Оксфордском университетах.
Прим. авт.

Седанское кресло – нечто вроде паланкина. *Прим. авт.*

Любимый род охоты в тогдашней Англии. *Прим. авт.*

Под четырьмя Георгами в Англии подразумевают первых четырех английских королей из Ганноверской династии, которые все назывались Георгами. *Прим авт.*